PG 3337
.M4 S47

1854

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Мей, Lev Aleksandrovich, 1822-1862.
C338
153

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ

имѣетъ счастіе благоговѣйно посвятить трудъ свой

Л. Мей.

PG 3337
.M4 947
1854

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вѣкъ первыхъ римскихъ кесарей обнимаетъ собою одну изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ эпохъ: его можно назвать заповѣдною скрижалью, на которой древній міръ начерталъ окончательные выводы своей религіозной и гражданской жизни. Всѣ духовныя и физическія силы древности, направленныя отъ четырехъ исходныхъ пунктовъ: религіи, закона, науки и искусства, стремятся къ одному центру, составляютъ четыре литеры, четыре звука одного слова—*Римъ*. Скоро это слово достигаетъ полноты своего смысла и означаетъ вселенную; но въ нравственномъ отношеніи смыслъ языческаго Рима и языческая вселенная представляютъ взорамъ наблюдателя плачевное зрѣлище.

Перенесемся во вторую половину кесарскаго вѣка и бросимъ бѣглый взглядъ на тогдашній Римъ.

Сосредоточивъ все вниманіе на своей внутренней жизни, Римъ сознаетъ повсемѣстное присутствіе внутренняго зла, тайнаго и неуловимаго недуга, который сушитъ его сердце и уноситъ жизненныя силы. Тщетно призываетъ онъ на помощь религію, философію и патріотизмъ: религія отвѣчаетъ ему сладострастнымъ бредомъ поэтовъ, философія — схоластическими софизмами, патріотизмъ — обвинительными рѣчами покупныхъ доносчиковъ. Семейный бытъ, сохранившій прежнія суровыя формы, уже утратилъ прежнее значеніе, и Римъ весь отдается быту общественному, выраженному въ растлѣвающихъ удовольствіяхъ цирка и термъ. Наука находится въ младенчествѣ и доступна немногимъ; искусство, хотя и доведено до идеала, но посвящено одной чувственности и только ослабляетъ немощной духъ Рима.

Для насъ, православныхъ и вѣрноподданныхъ христіанъ, понятенъ безъименный недугъ языческаго міра : онъ заключался въ отсутствіи святыни вѣры и закона, охраняемыхъ державною десницею Помазанника Божія.

Но для Рима, слѣпотствовавшаго во тьмѣ идолослуженія, законы сдѣлались мертвыми буквами, а повелители всесвѣтной имперіи — орудіями всевышняго правосудія, карающаго людей, *да спасутся!*

Поразительнымъ примѣромъ небесной кары можетъ послужить Калигула, съ котораго внезапно начинаются бѣдствія Рима, какъ-бы ниспосланныя свыше, въ возмездіе за первое притѣсненіе христіанъ.

Приведемъ слова греческаго писателя Филона, изображающаго начальные мѣсяцы правленія Калигулы золотымъ вѣкомъ:

«Римъ и Италія, Европа и Азія (говоритъ онъ), казалось, пировали на непрерывномъ празднествѣ. По всѣмъ городамъ, у всѣхъ алтарей, совершались жертвоприношенія, виднѣлись люди въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные цвѣтами ; повсюду, подъ звуки музыки, учреждались игры, пляски, конныя ристанія. Богатый и бѣдный, патрицій и плебей, господинъ и рабъ, заимодавецъ и должникъ веселились вмѣстѣ, какъ во времена Сатурна.»

Черезъ годъ весь міръ трепеталъ передъ безумнымъ Калигулой, который сожалѣлъ, что у Рима не одна голова и что онъ не можетъ отрубить ея однимъ взмахомъ сѣкиры.

Калигулу смѣнили Клавдіи, Коммоды, Геліогобалы...

Нескоро измѣнилась горестная судьба Рима. Три вѣка представляютъ собою почти-непрерывную лѣтопись своеволія, смутъ, крамолъ, кровопролитія, разсчитаннаго звѣрства, роскоши, разврата и безвѣрія Въ духовномъ опьянѣніи, разстерзавъ на себѣ послѣднія ризы, древній міръ шелъ быстрыми шагами къ своей гибели, доколѣ лучезарный крестъ Искупителя не освѣтилъ потёмной бездны языческихъ заблужденій.

И между-тѣмъ, въ средѣ общаго мрака, тяготѣвшаго надъ Римомъ, появлялись иногда проблески высокаго духа и добродѣтели; отъ толпы раболѣпныхъ поклонниковъ порока отдѣлялись люди самоотверженные, мужи добра и правды. Такъ представитель неостоической школы, Музоній Руфъ, изгнанный Нерономъ изъ Рима, удостоился даже похвалы одного изъ отцовъ церкви (1). Такъ, при Неронѣ же, два другіе неостоика, Тразѣа и Соранъ, гласно противодѣйствовали лживымъ доносамъ, губившимъ именитыхъ гражданъ, порицали современную роскошь и развратъ и служили Риму примѣромъ нравственности,

(1) См. Апологію св. Юстина.

праводушія и строгой жизни. Несправедливо обвиненные въ измѣнѣ противъ Рима и осужденные на смерть, они геройскою кончиною запечатлѣли неравную борьбу съ низкими льстецами, окружавшими Нерона. Вмѣстѣ съ Сораномъ, и также безвинно, погибла двадцатилѣтняя дочь его, Сервилія...

Но здѣсь я долженъ перейдти къ моей драмѣ.

Основное ея содержаніе заимствовано изъ послѣднихъ страницъ тацитовой лѣтописи, которая прерывается на описаніи гибели неостоиковъ. Историческія данныя перемѣшаны въ драмѣ съ посильнымъ вымысломъ, навѣяннымъ общимъ характеромъ эпохи. Общественная жизнь римлянъ въ эту эпоху, преданность кліентовъ патронамъ, значеніе отпущенниковъ въ семейной и гражданской жизни Рима, начинавшаяся эманципація (2) женщинъ, разладъ философіи съ существовавшимъ порядкомъ и всепобѣдное вліяніе христіанскаго ученія — вотъ тѣ немногія черты, которыми мнѣ хотѣлось обвести мою драму, какъ слабый очеркъ римскаго быта при Неронѣ.

---

(2) Въ римскомъ значеніи этого слова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА (1).

Люцій Телезинъ, Кай Светоній — римскіе консулы.
Софоній Тигеллинъ, префектъ преторіи.
Преторъ.
Тразея Петъ, Соранъ Барея, Паконій Агриппинъ, Гельвидій Прискъ, Монтанъ — сенаторы.
Сенцій Торкватъ, юрис-консультъ.
Валерій Аруленъ Рустикъ, народный трибунъ.
Осторій Сабинъ, всадникъ.
Эгнатій, отпущенникъ.
Фульциній Аферъ, Авидій Гиспо, Посидѣсъ, Вѣлоксъ, Мѣлла, Цестъ — граждане.
Деметрій, философъ-циникъ.
Жрецъ.
Квесторъ.
Отпущенникъ.
Центуріонъ.
Преторіанецъ.
Гладіаторъ.
Мимъ.
Возничій.
Музыкантъ.
Первый, второй, третій и четвертый граждане.
Первый, второй и третій глашатаи.
Ликторъ.
Продавецъ поленты.
Архимагиръ.
Первый и второй рабы.
Старикъ.
Сервилія, дочь сенатора Сорана.
Силія, вдова сенатора Антистія.
Локуста.
Антонія, кормилица Сервиліи.
Неволея, Фортуната — невольницы Локусты.
Дѣвочка.

Сенаторы, трибуны, жрецы, канефоры, писцы, преторіанцы, пѣвцы, музыканты, плясуньи, рабы, невольницы, прохожіе и народъ.

Дѣйствіе въ Римѣ, въ 67-мъ году по Р. Х.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Римскій форумъ ([2]). — *На заднемъ планѣ базилика Аргентарія, базилика Эмилія и храмъ Минервы. Мимо нихъ проходитъ священная дорога. Съ правой стороны арка Фабія, храмъ Вулкана съ священнымъ лотосомъ, храмъ Ромула съ священнымъ кипарисомъ, и Грекостазъ. Съ лѣвой стороны Капитолій, городская тюрьма, омбиликъ, храмы Согласія и Юпитера-Громовержца. Вокругъ форума идетъ тройной портикъ изъ коринѳскихъ колоннъ; въ промежуткахъ колоннъ изваянія боговъ и героевъ. Посреди форума водометъ Діаны, украшенный статуею богини. — Въ глубинѣ сцены, на горахъ Палатинской, Целійской и Эсквилинской возвышаются золотые чертоги Нерона, опоясанные рощами и садами. Вдали видѣнъ водопроводъ Клавдія. — На первомъ планѣ сцены: справа домъ Сорана, съ выступною террасою и бесѣдкой; слѣва термополій* ([3]) *и небольшой домъ, надъ дверьми котораго написано:* Locusta ([4]). *Эти зданія отдѣляются отъ форума улицей. — Утро. — По форуму изрѣдка проходятъ воины, рабы, торговцы плодами и съѣстными припасами. — На первой ступенькѣ водоема двое гражданъ играютъ въ кости;* ([5]) *вокругъ игроковъ группа зрителей.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ф. Аферъ, Авидій Гиспо, Посидесъ, Мелла, Велоксъ, Цестъ.

А. Гиспо *(высыпаетъ изъ рожка кости).* — А! наконецъ... шесть
да четыре — десять:
Ударъ Фортуны!
Ф. Аферъ. — Праведные боги!
Какой счастливый смертный этотъ Гиспо!
Весь женскій полъ ему благоволитъ:
Не только молодая Фортуната,
Сама Фортуна!
А. Гиспо *(злобно поглядѣвъ на Афера).* — Прикуси языкъ.
Я этихъ шутокъ не люблю, Фульциній!
Ф. Аферъ. — Не можетъ быть!... *(Смѣется).*
Вы знаете, друзья,
Прелестную невольницу Локусты?
Мелла. — Которую? ихъ много...
Ф. Аферъ. — Фортунату.

Мелла. — Я не видалъ.
Пасидесъ. — А я недавно видѣлъ. *(Гиспо собираетъ кости).*
Велоксъ. — Что̀, какова?
Посидесъ. — Беззубая старуха
И фурія!
Ф. Аферъ *(торжественно протягиваетъ руку).* — Се истина гласитъ
Правдивыми устами Посидеса!
Гиспо *(встаетъ, нахмуривъ брови).* — Довольно: разочтемся.
Ф. Аферъ. — Какъ прикажешь.
Ты выигралъ... два асса и кодрантъ. — *(Снимаетъ съ пояса кошелекъ и считаетъ деньги).*
Я нахожу, что имя у старухи
Приличное.
Мелла. — А что она, слѣпа?
Аферъ. — Подслѣповата... Да не въ этомъ дѣло.
Я, видишь ли, не знаю — у кого
Сестерцій (6) больше: у богини счастья,
Или у этой гарпіи; притомъ же
Амуръ ея покорный рабъ!
А. Гиспо *(вспыливъ)* — Aedèpol! (7)
Давай скорѣй мнѣ деньги, а не то...
Ф. Аферъ *(медленно приподнимается).* — Не то?.. *(подходитъ, скрестивъ руки къ Гиспо).* Не то?..
А. Гиспо *(отступаетъ).* — Я жаловаться буду:
Отсюда до префекта недалеко.
Отдай мнѣ деньги.
Ф. Аферъ. — Вотъ онѣ, возьми... *(отдаетъ деньги).*
Я знаю, ты на выигрышъ сторгуешь
Вѣнокъ изъ розъ для нимфы безъ волосъ!
А. Гиспо *(грозитъ ему кулакомъ).* — Нѣтъ, я на нихъ куплю тебѣ веревку! *(уходитъ).*
Ф. Аферъ *(смѣется и кричитъ ему вслѣдъ).* — Поскупишься!.. А ежели и купишь,
Такъ вѣрно самъ удавишься на ней!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, кромѣ Гиспо.

Велоксъ (*Ф. Аферу*). — За что̀ ты такъ на Гиспо нападаешь?
Ф. Аферъ. — Помилуй, Велоксъ, онъ — исчадье зла!

Я ужь давно слѣжу за нимъ, а нынѣче
Нарочно заманилъ его играть,
Чтобъ помѣшать его преступнымъ кознямъ:
Вы знаете ли, что̀ такое Гиспо?
Рабъ, низостью добившійся гражданства,
Скупецъ, кліентъ достойный Капитона,
Наушникъ, трусъ постыдный и предатель!..
Связался съ этой дряхлой Фортунатой,
Рабыней отравительницы...

Мелла (*оглядывается*). — Тише!
Ты позабылъ, что мы на площади.

Ф. Аферъ. — Такъ что̀ же? Или ты не знаешь, Мелла,
Что, кромѣ кесаря, трибуна и боговъ,
Я никого на свѣтѣ не боюся?
Я — римлянинъ!

Мелла. — Да мы и всѣ римляне,
А всеже осторожность не мѣшаетъ.

Ф. Аферъ. — Ты правъ: я горячуся понапрасну.
Пожалуй, будемъ тише говорить... (*понижая голосъ*).
Ты спрашивалъ меня, любезный Велоксъ,
За что̀ я такъ на Гиспо нападаю?
О, Аполлонъ! пошли мнѣ даръ витійства!..
Будь этотъ Гиспо мытаря продажнѣй,
Презрѣннѣй и гнуснѣе карѳагенца,
Клянусь, я только́бъ пожалѣлъ о немъ.
Но онъ — онъ лжецъ и подлый соглядатай:
Онъ въ скаредной душѣ своей таитъ
Злой умыселъ на нашего трибуна
Валерія?

Мелла. — На нашего любимца?

Велоксъ. — На нашего защитника-патрона (8).

Мелла. — На отрасль дома Рустиковъ?

Посидесъ. — На друга
Сенатора Тразеи?

Ф. Аферъ. — На него;
И не одинъ трибунъ Валерій Рустикъ,
А всѣ друзья народные: Паконій,
Соранъ, Тразеа... всѣ они погибнутъ
Невинной жертвой лживаго доноса.

Мелла. — Юпитеръ!... Но откуда эти вѣсти?
Ф. Аферъ. — Послушайте....

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Продавецъ поленты *(катитъ на двухколесной тележкѣ жаровню, на которой стоитъ накрытый котелокъ.)*

Продавецъ поленты *(кричитъ)*. — Горячая полента!
Кому поленты? *(останавливается предъ разговаривающими)*
Прямо съ очага
Богини Форнаксъ!
Велоксъ. — Мы ужь закусили.
(Полентовщикъ проходитъ дальше).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же. Дѣвочка *съ корзинкою цвѣтовъ.*

Купите, добрые граждане, анемоновъ.
Мелла. Ненадобно.
Дѣвочка. Купите гіацинтовъ:
Сама рвала сегодня на зарѣ!
Ф. Аферъ *(даетъ ей мелкую монету)*. — Ступай, дитя!
Дѣвочка. — Спаси тебя Юнона! *(отходитъ, крича нараспѣвъ)*:
Фіалки, гіацинты, анемоны!
Ф. Аферъ. — Однако здѣсь неловко.... Отойдемъ
Къ дверямъ Сорана: тамъ насъ не услышатъ.
(Отходитъ къ соранову дому. Форумъ начинаетъ покрываться народомъ. Женщины и дѣти тѣснятся съ амфорами около водомета. Вокругъ продавца поленты собирается полуоборванная толпа).
Ф. Аферъ *(указываетъ на домъ Локусты)*. — Вы видите вонъ тотъ
вертепъ тигрицы?...
Она къ себѣ недавно затащила
Овечку....
Мелла *(улыбаясь)*. — Съ бѣлокурою косой?
Велоксъ. — Съ лукавой бровью надъ лазурнымъ глазомъ?
Посидесъ. — Съ плечами Леды?
Мелла. — Словомъ, Неволею!
Ф. Аферъ. — Ну, да... къ-чему скрываться предъ друзьями?..
Отъ бѣдной, безпомощной сироты
Всѣ боги и богини отступились,
И только благосклонная Киприда
Своихъ очей еще не отвратила.
Ее Локуста держитъ для приманки
Богатыхъ и развратныхъ волокитъ

И никуда изъ дома не пускаетъ,
А на̀ ночь запираетъ на замо̀къ.
Мелла. — А какъ же вы видаетеся?
Ф. Аферъ *(качаетъ головой)*. — Мелла!
Ты посѣдѣлъ, а все не понимаешь
Того, что̀ дѣти знаютъ наизустъ:
Нѣтъ для Амура ни замко̀въ, ни стражи.
Но слушай дальше. Хитрая Локуста
Скрываетъ очень-ловко отъ невольницъ
Свои поступки гнусные и козни:
Наперсница всѣмъ тайнамъ Фортуната.
Но молодымъ невольницамъ Юпитеръ
Даетъ въ удѣлъ глаза и уши рысьи....
Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождико̀мъ, и сквозь густые ставни
Бѣдняжка видитъ только лоскутъ неба
Да атріумъ.... (10) Вчера ей не спало̀ся,
А было поздно: ужь вторая стража.
Вдругъ зазвенѣлъ придверный колокольчикъ (11),
Свѣтъ ночника мелькнулъ сквозь щели ставня,
Послышались поспѣшные шаги
И шопотъ Фортунаты: «Ты ли, Гиспо?»
Замѣтьте: Гиспо ходитъ каждый день
Къ Локустѣ и, украдкой отъ ревнивой
Своей старухи, сильно докучаетъ
Любовью Неволеѣ....
Велоксъ. — Вотъ за что̀
Другъ друга вы не любите! *(Ф. Аферъ презрительно улыбается)*.
Посидесъ. — Ахъ, Велоксъ,
Да не мѣшай же слушать!
Ф. Аферъ. — Неволея
Спрыгнула съ ложа, подошла къ окну
И увидала въ щелку Фортунату
И съ нею Гиспо. Оба, какъ ехидны
Приползшія къ пастушьему огню,
У ночника коробились, сверкали
Другъ на друга глазами и шипѣли.
Они сначала говорили тихо,
Такъ тихо, что преступныя слова
Безъ звука на губахъ ихъ шевелились;

Потомъ ихъ рѣчи сдѣлались слышнѣе,
И наконецъ старуха прошептала:
«Смотри, будь осторожнѣе, Авидій!
Локуста все разскажетъ Мессалинѣ ([12]);
Но если доказательствъ не найдется?....
Ты знаешь, это дѣло не простое:
Въ немъ Тигеллинъ ([13]) участье принимаетъ,
А онъ шутить не любитъ.... берегися!»
А Гиспо ей: «Не бойся, Фортуната:
Не только на философовъ безмозглыхъ,
Но даже на красавчика-трибуна
И на его обжорливаго друга
У насъ найдутся вѣрныя улики.»
«Ну, если такъ, сказала Фортуната:
Пожива будетъ славная!»... И оба
Захохотали громко, но тотчасъ же,
Какъ-будто спохватившись, поглядѣли
Такъ пристально на ставень Неволеи,
Что вся она со страха задрожала
И отошла скорѣе отъ окна....
Ну, что̀ теперь вы скажете о Гиспо?

Мелла. — Ужасно!

Посидесъ. — Никакого нѣтъ сомнѣнья:
Готовится доносъ, и на кого же?
На лучшихъ гражданъ Рима!

Велоксъ. — Но Авидій
Вѣдь никого по имени не на̀звалъ?

Посидесъ. — Къ-чему? Мы всѣхъ ихъ сразу отгадали.
Валерій чуть не на̀званъ: въ цѣломъ Римѣ
Другаго нѣтъ красавчика-трибуна.
Обжора другъ — конечно, ужь Паконій!
Философы — Тразеа и Соранъ.

Велоксъ. — Да̀, это правда.... Чтожь мы будемъ дѣлать?

Посидесъ. — Предупредимъ патроновъ поскорѣе.

Велоксъ. — Я, впрочемъ, за трибуна не боюся:
Скажи онъ слово — римскія матроны
Тотчасъ же обратятся въ амазонокъ
И Римъ возьмутъ.

Ф. Аферъ *(съ упрекомъ)*. — Ну, что теперь за шутки!
Когда бѣда трибуну угрожаетъ,

Его спасать не женщинамъ, а трибу....
Но какъ спасти?

Цестъ *(молчавшій все время)*. — Я Гиспо задушу.

Ф. Аферъ. — Нѣтъ, Цестъ! Твое намѣренье похвально,
И Гиспо не мѣшаетъ задушить,
Но не теперь : онъ будетъ нуженъ.

Цестъ *(киваетъ, въ знакъ согласія, головой)*. — Послѣ...

Посидесъ. — Однакожь мѣшкать нѣчего! Пойдемте
Искать своихъ патроновъ: я иду
Къ Валерію, но гдѣ онъ — въ базиликѣ (14),
Иль дома?

Ф. Аферъ. — Ты отправься въ базилику,
А Мелла нà домъ.

Велоксъ. — Я пойду къ Тразеѣ.
А кто изъ васъ къ Паконію пойдетъ?

Ф. Аферъ. — Паконій спитъ и никого не приметъ.
Мы съ Цестомъ лучше подождемъ Сорана :
Онъ, кажется, отправился въ Сенатъ.

Посидесъ. — Пора, пора! И такъ на насъ всѣ смотрятъ...
Сойдемся здѣсь же, завтра утромъ... Vale!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ф. Аферъ *садится на каменную скамью у соранова дома;* Цестъ *стоитъ подлѣ, задумавшись. Толпа прибываетъ. Граждане, отпущенники, гладіаторы, преторіанцы и рабы наполняютъ форумъ. Вдоль портика ставятъ скамьи).*

Ф. Аферъ. — Цестъ, для чего сбирается народъ?

Цестъ. — Глазѣть на ходъ жрецовъ и канефоровъ.

Ф. Аферъ. — Я позабылъ : теперь панаѳенеи (15)...
А скоро ли процессія начнется?

Цестъ. — Должно-быть, скоро.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(По сценѣ проходитъ старикъ, покрытый рубищемъ. Онъ очень усталъ и съ трудомъ передвигаетъ ноги, опираясь на посохъ. Поравнявшись со скамьей, онъ останавливается въ нерѣшимости).

Ф. Аферъ (*встаетъ со скамьи*). — Отдохни, старикъ! *(старикъ медлитъ).*
Садись, садись : ты, вѣрно, издалека? *(Старикъ, въ изнеможеніи, опускается на скамью и закрываетъ лицо руками).*
Не хочешь ли съ дороги освѣжиться?

Пойдемъ со мной вонъ въ этотъ термополій (*Старикъ отрицательно качаетъ головой. Ф. Аферъ подаетъ ему кошелекъ*).
Смотри : ты обронилъ свой кошелекъ.
Вотъ онъ...

Старикъ (*отводитъ руку Афера*). — Ненужно, добрый человѣкъ!
(*Ф. Аферъ, поглядѣвъ въ недоумѣніи на старика, отходитъ въ сторону. Слышенъ звукъ трубы*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(*На форумъ появляется* Глашатай, *одѣтый Меркуріемъ. Въ рукахъ у него серебряная труба и кадуцей.*)

Глашатай (*протрубивъ три раза*). — Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ
Послалъ меня къ вамъ, римскіе граждане,
Глашатаемъ своей священной воли !

Народъ. — Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Глашатай. — Внемлите мнѣ : по случаю торжествъ
И шествія въ честь праведной Минервы,
Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ,
Желая съ вами радость раздѣлить,
Велѣлъ открыть, для игоръ и для зрѣлищъ,
Театръ и циркъ на всѣ панаѳенеи.

Народъ. — Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь !
(*Глашатай проходитъ форумъ и скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Отпущенникъ, Гладіаторъ, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Граждане, Музыкантъ, Возничій, Мимъ, Преторіанецъ, Ф. Аферъ и Цестъ *стоятъ въ сторонѣ у соранова дома.*

Преторіанецъ. — Хвала Нерону-Августу, вождю
Непобѣдимыхъ римскихъ легіоновъ !
Да здравствуетъ нашъ кесарь Неронъ-Марсъ!

Гладіаторъ. — Онъ льва задушитъ голыми руками ([16])!
Да здравствуетъ нашъ кесарь Геркулесъ !

Музыкантъ. — Онъ голосомъ божественнымъ и лирой
Вливаетъ жизнь въ бездушную природу
И камни въ трепетъ сладостный приводитъ !
Да здравствуетъ нашъ кесарь-Аполлонъ !

Возничій. — Хвала ему ! Когда онъ по аренѣ
Несется на квадригѣ ([17]) бѣлоснѣжной.
Подумаешь — самъ Фебъ сошелъ на землю.

Мимъ. — Когда на сцену кесарь нашъ выходитъ,
Богиня краснорѣчія незримо
Вселяется во всѣ его слова,
Во всѣ его движенія.

Отпущенникъ ([18]). — Граждане!
Нашъ кесарь Неронъ выше всѣхъ боговъ:
Онъ весь Олимпъ въ себѣ соединяетъ!
Хвала ему!

Ф. Аферъ *(тихо Цесту)*. — Вотъ этотъ похвалилъ!

Отпущенникъ. — Граждане! Кто построилъ новый Римъ?

Ф. Аферъ *(тихо)*. — А старый гдѣ ([19])?

Отпущенникъ. — Кто насъ поитъ и кормитъ?
Кому земля несметныя богатства,
Зарытыя царицею Дидоной,
Въ-теченіе столѣтій сохранила?
Въ чью пользу сновидѣнье указало
Сокрытый кладъ?

Ф. Аферъ *(тихо)*. — Лжетъ: клада не нашли
И самъ сновидѣцъ съ горя удавился ([20]).

Отпущенникъ. — На всѣ мои вопросы отвѣчаю:
Онъ, онъ, ему, ему, въ его же пользу!...
Но предоставимъ болѣе-достойнымъ
Исчислить всѣ достоинства его;
Забудемъ обо всѣхъ благодѣяньяхъ,
Оказанныхъ имъ Риму, или міру,
А упомянемъ только объ одномъ,
Что сами боги кесарю Нерону
Обязаны признательными быть. *(Торжественно оглядывается кругомъ. Всѣ молчатъ).*
Давно ли намъ безвѣріе грозило?
Давно ли ложное ученіе съ Востока
Умы людей собою заражало?
На нашу почву пало злое сѣмя,
И деревомъ вѣтвистымъ разросталось,
И тѣнь свою бросало на Олимпъ;
Но кесарь поднялъ страшную сѣкиру
И древо ядовитое срубилъ
До корня...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и А. Гиспо *(выходитъ изъ толпы).*

Гиспо. — А не вырвалъ съ корнемъ вонъ!
Ф. Аферъ. — Опять закаркалъ этотъ черный воронъ!
А. Гиспо *(отпущеннику).* — Я рѣчь твою, по долгу гражданина
И кесаря слуги, перебиваю.
Ты началъ говорить о христіанахъ (21)...
А знаетъ ли божественный нашъ кесарь,
Что христіане снова появились?

(Общее изумленіе).

Отпущенникъ. — Гдѣ? въ Римѣ?
А. Гиспо. — Нѣтъ, подъ Римомъ... въ катакомбахъ.

(Толпа взволновалась. Изъ нея раздаются крики:)

Какъ? Христіане! . . . . . .
. . . . . Губители младенцевъ!
Они наслали голодъ и болѣзни!
Зажгли нашъ Римъ!
Своей нечистой кровью
Преддверья нашихъ храмовъ осквернили!
Первый гражданинъ. — Не можетъ быть: ихъ кесарь истребилъ.
Я видѣлъ самъ, какъ ихъ въ куски рубили...
Второй гражданинъ. — Я видѣлъ, какъ ихъ вѣшали на крючьяхъ,
Какъ въ землю ихъ живыми зарывали.
Третій гражданинъ. — Я видѣлъ, какъ, зашивъ въ медвѣжьи шкуры,
Ихъ псами пріученными травили.
Четвертый гражданинъ.—Дѣйствительно, не можетъ это быть.
Мы помнимъ всѣ ту ночь, когда намъ кесарь
Для празднества открылъ свои сады
И освѣтилъ ихъ небывалымъ свѣтомъ;
Мы помнимъ, какъ, на кольяхъ и цѣпяхъ,
Живые факелы качались и горѣли:
То были нечестивцы — христіане!
Ихъ облекли въ туники смоляныя,
Пропитанныя сѣрою горючей,
Пробили кольями имъ шеи съ тыла
И, на цѣпяхъ поднявши вверхъ, зажгли...
Откуда же они опять явились?

Первый гражданинъ. — Прибавь еще, что сами христіане
Искали мукъ и къ плахѣ собирались,
Какъ мотыльки на свѣточъ.
А. Гиспо. — Каждый вечеръ
Сгараетъ очень-много мотыльковъ,
Но остается больше... Я не знаю,
Откуда появились христіане —
Съ крестовъ, съ костра, изъ челюстей звѣрей,
Изъ нѣдръ земли, а, можетъ-быть, изъ Рима;
Но христіане, или тѣни ихъ
Сбираются вседневно въ катакомбахъ,
И ежели...

(Смолкаетъ и глядитъ на террасу соранова дома. На террасѣ появляется Сервилія, въ-сопровожденіи Антоніи и двухъ невольницъ. Въ рукахъ невольницъ кошницы цвѣтовъ. Покрывало Сервиліи откинуто назадъ; въ распущенные волосы вплетены крупныя нити жемчуга. Общая тишина. За сценой начинается священная музыка).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Сервилія, Антонія и *Невольницы*.

Отпущенникъ *(къ Гиспо)*. — Ты что же замолчалъ?
А. Гиспо. — *(Указываетъ движеніемъ головы на террасу)*. Кто это?
Отпущенникъ. — *(Тихо)*. Дочь сенатора Сорана,
Сервилія.
Гиспо. — *(Тихо)*. Молва не обманула:
Красавица!..
Отпущенникъ. — Да... скоро Гименей
Свой пламенникъ зажжетъ для этой нимфы
И для Тразеи.
Гиспо. — Что ты говоришь?
Онъ въ дѣды ей годится.
Отпущенникъ. — *(пожимаетъ плечами)*. Это воля
Ея отца.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и конный глашатай. *(Въ рукахъ у него знамя Минервы съ бронзовой совой)*.

Глашатай *(Раздвигая толпу)*. — Граждане, мѣста! мѣста!
Священная процессія идетъ!

(Народъ разступается во всѣ стороны и пестрымъ поясомъ охватываетъ форумъ.—На священной дорогѣ показывается шествіе канефоровъ. Впереди идутъ маститые старики съ оливковыми вѣтвями, за ними воины, вооруженные щитами и копьями; за воинами юноши и дѣти. Дѣвицы несутъ на головахъ священныя корзины; ихъ сопровождаютъ невольницы, однѣ съ опахалами и складными сѣдалищами, другія съ возліяльниками, наполненными водою и медомъ. За всей этой толпой слѣдуютъ музыканты, рапсоды и вооруженныя съ ногъ до головы плясуньи; за плясуньями движется корабль, на которомъ развѣвается легкій парусъ съ изображеніемъ побѣды Минервы надъ титанами. Корабль окружаютъ жрецы. При появленіи шествія, весь народъ падаетъ на колѣни; только старикъ попрежнему сидитъ неподвижно на скамьѣ. Гиспо указываетъ на него отпущеннику, который утвердительно киваетъ головой. Шествіе близится медленно и обходитъ форумъ.)

Хоръ.

О, Аѳина-миродавица,
Дщерь Зевеса лѣпокудрая!
Благодарные народы
Про тебя сложили оды
И поютъ ихъ въ честь твою.

Олимпійская красавица,
Непорочная, премудрая!
Ты оливу прорастила,
Ты титановъ поразила
Въ сокрушительномъ бою.

(Поравнявшись съ домомъ Сорана, шествіе останавливается. Плясуньи, подъ звуки флейтъ, начинаютъ воинственную пляску, представляющую битву Минервы съ титанами. По окончаніи пляски, шествіе направляется къ храму Минервы, въ который слѣдуетъ положить парусъ священнаго корабля. — Сервилія, Антонія и невольницы бросаютъ съ террасы цвѣты).

Хоръ.

Мужи, старцы убѣленные,
Дѣвы, юноши стыдливые,
Всѣ твоей опоры просятъ,
Всѣ на жертвенникъ приносятъ
Тучныхъ агнцевъ и козлятъ.

Пріими дары смиренные,
Ниспошли намъ дни счастливые:
Да на вѣки, Титанида,
Насъ побѣдная эгида
И копье твое хранятъ!

(Шествіе входитъ въ храмъ Минервы. Переждавъ послѣднихъ жрецовъ, Отпущенникъ, Гиспо и нѣсколько человѣкъ подходятъ къ старику).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Старикъ, А. Гиспо, Отпущенникъ, Первый, Второй, Третій и Четвертый граждане, Ф. Аферъ и Цестъ, Сервилія, Антонія и невольницы. Народъ.

Отпущенникъ. — Посмотримъ, что̀ за странный человѣкъ. *(указываетъ на старика).*

Приросъ къ скамьѣ, какъ мохъ сѣдой къ утесу... *(Старику)*

Го! старый Фавнъ! ты умеръ, или живъ? *(Старикъ не перемѣняетъ положенія).*

Первый гражданинъ. — Не глухъ ли онъ?

Второй гражданинъ. — Не слѣпъ ли?

Третій гражданинъ. — Просто, дремлетъ.

А. Гиспо. — Такъ разбудить!.. *(подходитъ къ старику).*

Эй, полно спать! проснися!

Эй! *(Бьетъ старика по плечу).*

Старикъ *(поднимаетъ голову).* — Я не сплю... *(Помолчавъ)*

Но сонъ тяжелый вижу!

(Величественно встаетъ со скамьи. Лицо его покрылось румянцемъ; глаза горятъ.)

Четвертый гражданинъ. *(Дергаетъ Гиспо за одежду).* — Не тронь его; ты видишь: сумасшедшій! *(Гиспо боязливо отходитъ. Сервилія, намѣревавшаяся уйдти, останавливается. Народъ начинаетъ толпиться около старика. Молчаніе).*

Старикъ *(поднимаетъ глаза къ небу).* — Благодарю тебя, всесильный Боже!

Мой часъ насталъ... *(Къ народу).*

Зачѣмъ вы здѣсь, безумцы? *(указываетъ посохомъ на удаляющееся шествіе).*

Что̀ это за потѣха Вельзевула?

Второй гражданинъ *(тихо).* — Онъ бредитъ... Что такое онъ сказалъ?

Какого Вельзевула?

Старикъ. — Сатаны!

Отпущенникъ *(Гиспо).* — Онъ вѣрно варваръ: Скиѳъ или Парѳянинъ. *(Старику.)*

Старикъ! твои слова намъ непонятны:
Кто эти Вельзевулъ и сатана?

Старикъ. — О, чада тьмы!.. Слѣпотствуя во мракѣ,
Рождаяся рожденіемъ грѣховнымъ
И смертію грѣховной умирая,
Не знаете отца грѣха и смерти!

Ходя въ грѣхѣ и рабствуя грѣху,
Вы своего не знаете владыки!
Отпущенникъ. — Да это просто сумасбродный риторъ,
Или философъ-циникъ, какъ Деметрій. *(Старику)*
Старикъ, ступай-себѣ своей дорогой...
Философовъ-пришельцевъ намъ не нужно:
И отъ своихъ приходится намъ тошно!
Ф. Аферъ. — Зачѣмъ его тревожили?
А. Гиспо. — Зачѣмъ?
Онъ спитъ, когда проходятъ канефоры.
Да и теперь зачѣмъ онъ говоритъ,
Что мы не знаемъ своего владыки?
Мы кесаря владыкой признаемъ!
Старикъ. — Владыка вашъ не кесарь — сатана,
Исконный врагъ добра и благодати;
Вы — воинство позорное его!
А. Гиспо. — Вы слышете, граждане? этотъ нищій
Поноситъ насъ и гласно уличаетъ
Въ измѣнѣ кесарю...
Старикъ. — О, злое племя! *(Идетъ смѣлыми шагами къ водомету Діаны. Толпа передъ нимъ разступается).*
Первый гражданинъ (*къ Гиспо*). — Оставь его: онъ точно сумасшедшій.
Никто въ разсудкѣ здравомъ не посмѣетъ
На форумѣ такъ дерзко говорить...
Не намъ судить, гдѣ боги осудили...
Старикъ *(останавливается)*. — Кто осудилъ?.. Какіе боги?.. Боги!
Ихъ нѣтъ, слѣпцы!
Одинъ есть Богъ Всесильный,
Вселенную и горній міръ создавый.
Но вы его не знаете, безумцы!
Гдѣ ваши боги? гдѣ они?.. *(указываетъ на храмы)*.
Въ кумирняхъ!
Въ притонѣ любострастныхъ, пресыщенныхъ
Виномъ и мясомъ жертвеннымъ жрецовъ...
Что̀ ваши боги? — Срамныя идеи
Разврата, лжи, убійства и корысти,
Боготворимо-чтимыя народомъ
Въ мѣди и въ камнѣ, въ о̀бразахъ безстудныхъ,

Возникшихъ подъ рѣзцомъ и молоткомъ
Наемнаго ваятеля...
О, горе!
Вотъ до чего прельщеньемъ сатанинскимъ
Унизились и исказились люди,
Созданья, сотворенныя Всевышнимъ,
По образу Его и по подобью!
Ихъ вѣра — грѣхъ! Ихъ боги — истуканы!
Прозрите ль вы душой, идоложрецы?
Вотъ ваши боги! *(разбиваетъ посохомъ изваяніе Діаны).*
Мрамора осколокъ... *(Народъ, оцѣпенѣвшій на мгновеніе, схватываетъ каменья и съ яростнымъ воплемъ устремляется на старика. Сервилія вскрикиваетъ и закрываетъ лицо руками. За сценой слышны голоса:)*
Трибунъ! Трибунъ Валерій! *(На форумъ влетаетъ колесница, окруженная конными воинами).*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, воины и Валерій Рýстикъ.

Валерій *(соскакиваетъ съ колесницы и бросается въ толпу).*
Что такое?
Ножи! каменья!.. *(указываетъ на старика).*
Что̀ за человѣкъ?

Сервилія *(подбѣгаетъ къ перилamъ террасы).*
Трибунъ! *(Валерій быстро оборачивается. Взглянувъ на Сервилію, онъ едва удерживается отъ восклицанія и почтительно наклоняетъ голову).*
Спаси несчастнаго безумца,
Не дай пролиться крови у порога
Сенатора Сорана!..

Валерій *(къ народу).* — Успокойтесь... *(голосъ его слегка дрожитъ).*
Не стыдно ли шумѣть, какъ-будто галлы,
Иль кимвры осадили Капитолій?..
Что̀ сдѣлалъ вамъ старикъ?

Народъ *(кричитъ).* — Онъ святотатецъ!
Не признаетъ всеправедныхъ боговъ!
Кощунствуетъ!
Смѣется надъ жрецами!
Разбилъ кумиръ Діаны свѣтозарной!
Гляди!.. *(нѣсколько рукъ указываетъ на разбитую статую).*

Валерій (*съ изумленіемъ смотритъ на старика, который все время стоялъ недвижимо и спокойно выжидалъ своихъ убійцъ*). — Кто ты, безумецъ дерзновенный?

Старикъ. — Я грѣшный рабъ Спасителя Христа. (*Въ народѣ раздаются бѣшеные крики:*)

Христіанинъ!

Звѣрь!

Аспидъ ядовитый!

Каменьями!

Въ клочки его! (*нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ отпущенникъ и Гиспо, кидается на старика*).

Валерій (*громовымъ голосомъ*). — Назадъ! (*Толпа останавливается: Аферъ и Цестъ подходятъ къ Валерію и становятся сзади его*).

Забыли вы, что нѣтъ самоуправства?
Что только кесарь нашъ имѣетъ право,
Съ согласія Сената и народа,
На жизнь и смерть? (*воинамъ*) Возьмите старика! (*Воины исполняютъ сіе приказаніе и связываютъ старику руки. Народный ропотъ утихаетъ*).

Валерій (*старику*). — Послушай, нечестивый изувѣръ!
Тобою оскорбленная богиня
Пріяла образъ благородной дѣвы
И чистымъ словомъ непорочныхъ устъ
Спасла тебя на краткій мигъ отъ смерти,
Чтобъ ты могъ раскаяться... (*Сервилія, краснѣя, опускаетъ покрывало и медленно удаляется съ своими провожатыми. Валерій бросаетъ на нее долгій взглядъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Сервиліи, Антоніи и невольницъ.

Валерій (*продолжаетъ*). — Но знай!
Юпитеръ самъ простить тебя не можетъ:
Тебя ждетъ казнь.

Народъ (*кричитъ*): — На висѣлицу!

Въ циркъ!

Подъ когти тигра!

Въ челюсти гіены!

На крестъ!

На раскаленную рѣшотку!

Старикъ (*радостно*). — Идемъ скорѣй! Я жажду лютой смерти!
О, Господи! мнѣ, грѣшнику, дозволь
Сподобиться неслыханныхъ мученій:

Да видятъ эти жалкіе безумцы,
Какъ сладко умирать христіанину,
Твое святое имя прославляя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Термы Агриппы ([22]). — *Мраморная столовая о четырехъ іоническихъ колоннахъ. Потолокъ сведенъ въ ключъ, опускающійся виноградною кистью; бѣлыя стѣны увѣнчаны рельефнымъ карнизомъ. На задней стѣнѣ ниша о трехъ уступахъ, по которымъ бѣжитъ вода; по обѣимъ сторонамъ ниши статуи Гигіи и Бахуса. Правая и лѣвая стѣны столовой прорѣзаны высокими дверьми. Посрединѣ сцены мозаиковый столъ на металлической ножкѣ, изображающей сатира; вокругъ стола трапезныя ложа, одѣтыя пурпуровыми тканями. У лѣвой двери горка съ драгоцѣнными сосудами. — Столовая освѣщается множествомъ лампъ, привѣшенныхъ къ канделабрамъ. На треножникахъ курятся благовонія.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Паконій, Сенцій, Монтанъ и Гельвидій.

Паконій *(указываетъ на столъ)*. — Замѣтьте, носъ придавленъ
у сатира,
А сквозь волосъ просунулись рога:
Такое изваяніе сатира,
По мнѣнію ученыхъ ([23]), означаетъ,
Что этотъ козлоногій волокита,
Напившись, неудачно подрался
И подтвердилъ собою изреченье
Горація въ какой-то одѣ: vinum
In praelia inermem trudit.
Гельвидій. — Sic!
Ужь ты бы не цитировалъ поэтовъ:
Навѣрное все спутаешь...
Паконій. — Не спорю:
Быть-можетъ, я не такъ прочелъ стихи,
Но смыслъ остался все одинъ и тотъ же,
Что и добрякъ полѣзетъ съ пьяна въ драку:

Монтанъ. — Однако же, Паконій, попытайся
Безъ эпизодовъ продолжать разсказъ.
Паконій. — Меня Гельвидій съ толку сбилъ стихами...
Я продолжаю... Мы остановились
На томъ, какъ я явился къ Мессалинѣ,
Чтобъ разузнать подробнѣй о доносѣ,
Какъ у нея я встрѣтилъ Капитона,
И какъ онъ мнѣ лицомъ своимъ напомнилъ
Курносаго сатира...
Сенцій. — Это такъ.
Но растолкуй намъ, почему Валерій
Самъ не хотѣлъ навѣдать Мессалину?
Паконій. — Съ недавнихъ поръ Валерій самъ не свой:
На форумѣ и днюетъ и ночуетъ,
Сталъ блѣденъ, худъ, угрюмъ и молчаливъ,
Какъ жрецъ Изиды... Но прошу вниманья!
Я позабылъ сказать, что Мессалина
Насъ принимала въ перистильномъ гротѣ,
Откуда, только передъ нами, вышелъ
Ваятель Главкъ: онъ лѣпитъ съ Мессалины,
Для кесаря, статую Амфитриты...
Представьте гротъ изъ накра и коралла,
Причудливо раскинувшаго вѣтви;
Въ вѣтвяхъ дробятся струйки водометовъ
И впутались растенья водяныя;
Полъ зернью мелкихъ раковинъ усыпанъ
И золотымъ пескомъ изъ Хризорроя;
Представьте, въ благовонномъ полумракѣ,
На ложѣ, мхомъ искусственнымъ поросшемъ,
Обрызганномъ росинками жемчужинъ,
Въ вѣнкѣ изъ влажнолиственныхъ нарцисовъ,
Владычицу сѣдаго Океана.
Она на свѣжемъ ложѣ приподнялась
И выжимаетъ воду изъ волосъ,
А волосы такъ мягки и волнисты,
Что, кажется, прольются сквозь персты
И утекутъ съ водою по помусту.
Богиня улыбается. Одежда
Прозрачными струями обливаетъ
Погибы легкотрепетнаго стана

И отбѣжала только отъ ноги,
Какъ пѣна бѣлой, смѣло-обнаженной,
Во всей ея скульптурной красотѣ,
До самаго колѣна... Обаянье!
Въ глазахъ темнѣетъ...
Вотъ вамъ Мессалина!

Монтанъ. — Ого, Паконій! что за краснорѣчье!
Не хочешь ли ты сдѣлаться тритономъ
Богини моря?

Паконій. — И трубя повсюду
О красотѣ ея, ловить муренъ,
Дорадъ и вкусныхъ устрицъ?... Я согласенъ!
Но, кромѣ шутокъ, эта Мессалина
Такъ хороша, что смѣло можетъ быть
Преемницей Поппеи.

Сенцій. — Не находка:
Римъ женскаго владычества не любитъ

Паконій. — Ты думаешь, что Мессалина можетъ
Напомнить соименницу свою ([24])?
Нѣтъ, ты ея не знаешь... Мессалина —
Дитя весны и солнца, какъ мимоза:
Коснись ея все, чуждое цвѣтку,
Она свернетъ печально лепесточки,
И только... Но придирчивый Монтанъ
Просилъ меня не дѣлать отступленій:
Я постараюсь кончить поскорѣе,
И потому... *(Входитъ Эгнатій.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Эгнатій.

Гельвидій. — А! вотъ и нашъ Эгнатій!

Монтанъ. — Да будетъ твой приходъ благословенъ!
Поторопи Паконія разсказомъ:
Онъ насъ моритъ хвалами Мессалинѣ,
И до-сихъ-поръ объ общемъ нашемъ дѣлѣ
Не началъ даже.

Паконій. — О, неблагодарность!
Какъ опытный ораторъ, я хотѣлъ
Все разсказать, какъ слѣдуетъ, по пунктамъ;

Но ежели вы такъ нетерпѣливы,
Я обойдусь немногими словами.
Доносы Гѝспо заключались въ томъ,
Что всѣ мы — злые стоики...
Монтонъ. — Кàкъ ново!
Паконій. — Что всѣ мы были близкими друзьями
Рубеллію, погибшему достойно
За умыслы преступные его;
Что мы любовь народную снискали
Въ намѣреньи, скрываемомъ усердно,
Но слишкомъ-явномъ.
Сенцій. — Это ужь не шутки.
Паконій. — Какія шутки! Еслибъ Мессалина
Къ Валерію пріязни не питала,
Мы были бъ всѣ обвинены Сенатомъ
Въ измѣнѣ Риму... А потомъ... ты знаешь?
Сенцій. — Ланцетъ... Благодаренье Мессалинѣ!
Эгнатій. — Благодари не Мессалину, Цеста.
Сенцій. — За что?
Эгнатій *(подаетъ ему свитокъ папируса)*. —
Прочти вотъ этотъ свитокъ, Сенцій!
Сенцій. — Я вечеромъ не вижу.
Монтанъ. — Дай сюда,
Я прочитаю. *(Развертываетъ свитокъ и пробѣгаетъ его глазами)*.
Что̀ это такое?
Послушайте! *(читаетъ вслухъ)*.
«Преторіи Префекту,
Сафонію Либеллѣ Тигеллину.
Я, римскій гражданинъ Авидій Гѝспо,
По силѣ клятвы, мною принесенной
Предъ алтаремъ всеправедныхъ боговъ
И долгу гражданина, объявляю,
Что римскіе сенаторы: Тразеа,
Соранъ, Монтанъ, Гельвидій и Паконій,
А также римскій юрисконсультъ Сенцій,
Трибунъ Валерій Рýстикъ и кліенты
Его, граждане — Велоксъ, Цестъ и Мелла,
А больше всѣхъ отпущенникъ Эгнатій
И римскій гражданинъ Фульциній Аферъ,
Замыслили измѣну противъ Рима.

Все сказанное клятвой утверждая,
Могу представить должныя улики
На всѣхъ поименованныхъ. Авидій,
Авидія Домиція сынъ, Гиспо.»
Сенцій. — Что это значитъ?
Эгнатій *(беретъ свитокъ у Силана)*. — Значитъ, что Авидій,
Не положась вполнѣ на Мессалину
И не желая съ кѣмъ-либо дѣлиться,
Самъ намаралъ безграмотный доносъ.
Паконій. — Но какъ же онъ къ тебѣ попался?
Эгнатій. — Просто.
И вмѣстѣ съ тѣмъ почти-невѣроятно...
Авидій Гиспо, написавъ доносъ,
Отправился съ нимъ прямо къ Тигеллину
Сегодня, раннимъ утромъ. По дорогѣ
Онъ встрѣтилъ Цеста: тотъ его толкнулъ
Такъ ловко, что Авидій растянулся
На мостовой и выронилъ свой свитокъ.
Цестъ поднялъ; Гиспо, на ноги вскочивши,
Какъ кошка прыгнулъ старику на грудь,
А Цестъ своей увѣсистой рукою
Сдавилъ ему неосторожно горло...
Гельвидій. — И подушилъ доносчика порядкомъ?
Эгнатій. — Сказать точнѣе: просто задушилъ.
Монтанъ. — Какъ, до смерти?
Эгнатій. — Нѣтъ... Гиспо прежде крикнулъ
И побагровѣлъ, a de facto умеръ
Потомъ уже... На крикъ его сбѣжались...
По счастію, я шелъ случайно мимо,
И Цестъ успѣлъ мнѣ свитокъ передать.
Паконій. — Mehercule! забавная развязка!
Сенцій. — Предназначенье праведной судьбы,
Которая доселѣ насъ хранила
И нынѣ не престала сохранять.
Гельвидій. — Вопросъ: къ-чему?... Но гдѣ же нашъ спаситель?
Эгнатій. — Кто, старый Цестъ? Покамѣстъ онъ въ темницѣ,
А послѣ вѣрно будетъ брошенъ въ циркъ.
Монтанъ. — Намъ надобно спасать его скорѣе.
Паконій. — А если не удастся?
Эгнатій. — Самъ спасется...

Германика любимый ветеранъ,
Силачъ, отлитый съ волоса до ногтя
Изъ мрамора, конечно, не робѣя,
Подниметъ на рогатину тигрицу
И даже льва...

Сенцій. — Я думаю, что кесарь,
Знатокъ и страстный посѣтитель цирка,
Не согласится выпустить изъ рукъ
Такого звѣробойца.

Паконій. — Безъ-сомнѣнья...
Я самъ, хотя люблю душевно Цеста,
Но, признаюсь, желалъ бы посмотрѣть
На схватку звѣря съ старымъ геркулесомъ.

Монтанъ. — Однако же попытка въ пользу Цеста
Необходима!

Паконій. — Это наше дѣло.

Сенцій. — Друзья мои, намъ должно хлопотать
О личной безопасности: сегодня
Спаслися мы, а завтра не спасемся.
Вы вспомните, что въ Римѣ мало Цестовъ,
А Гиспо много...

Эгнатій. — Это справедливо.

Гельвидій. — И даже такъ, что намъ пора принять
Послѣднія, рѣшительныя мѣры.
Желая правды, мира и добра,
Мы медлимъ непростительно: вседневно
Сбираемся для безполезныхъ преній,
И, подавая поводъ для доносовъ,
Походимъ не на стоиковъ степенныхъ,
На крикуновъ и жалкихъ сумасбродовъ.
Чего хотимъ мы? Свергнуть Тигеллина
И прекратить эхидные доносы, ([25]).
Которые сосутъ у Рима сердце?

Монтанъ. — Не мы одни, весь Римъ того желаетъ.

Сенцій. — Для этого намъ слѣдуетъ представить,
Что Тигеллинъ корыстный временщикъ
И кесаря ликъ свѣтлый заслоняетъ
Своею мрачною фигурой отъ народа;
Что, грабя Римъ, тиранствуя надъ Римомъ,
Онъ въ то же время на него клевещетъ

И кесаря всечасно раздражаетъ
Извѣтами на благородныхъ гражданъ,
Которые нетолько не виновны
Въ злыхъ умыслахъ, взводимыхъ Тигеллиномъ,
Но сознали и вѣрятъ неизмѣнно,
Что кесарь нашъ есть повелитель міра,
Глава его, душа его, зерцало,
Въ которомъ видѣнъ образъ божества.
Вотъ наша цѣль.

Паконій. — И наши убѣжденья
Согласны съ этой цѣлью ; но какъ же
Достичь ея ?

Гельвидій. — Идя прямой дорогой.
Эгнатій намъ составитъ протоколъ,
А мы его подпишемъ, обязуясь
Предъ кесаря предстать съ глаголомъ правды
И умолять, отъ имени всѣхъ римлянъ,
О пресѣченьи зла и безпорядковъ,
Производимыхъ дерзкимъ Тигеллиномъ.
Согласны вы ?

Паконій, Сенцій и Монтанъ. — Согласны.

Эгнатій. — Но Валерій,
Соранъ, Тразеа ?

Паконій. — Не-ужѣ-ли можно
Въ нихъ сомнѣваться ?

Эгнатій. — Кто же сомнѣвался !
Я только вамъ хотѣлъ про нихъ напомнить.

Гельвидій. — Понятно, что во всякомъ общемъ дѣлѣ
Согласье нужно общее.

Монтанъ. — Итакъ
Теперь мы всѣ рѣшилися ?

Сенцій. — Рѣшились.

Гельвидій. — Пиши, Эгнатій, кратче, но сильнѣе,
А главное, яснѣе.

Эгнатій. — Постараюсь.

Паконій. — Позвольте предложить одинъ вопросъ :
Все сказано ?

Сенцій. — Все.

Паконій. — Стало-быть, мы можемъ
Покончить дѣловые разговоры.

Благодаря судьбѣ, мы торжествуемъ :
Избавились отъ гнуснаго доноса,
Рѣшилися какъ дальше поступать,
И, слѣдственно, обязаны немедля
Принесть богамъ горячія молитвы
И возліянья...
Вы не позабыли,
Что я, предвидя счастливый конецъ,
Васъ пригласилъ отпраздновать удачу
Трапезою ?..

Гельвидій. — Добился своего !

Монтанъ. — Но мы не всѣ здѣсь на-лицо ?

Паконій. — Валерій
Наврядъ придетъ.

Монтанъ. — А твой философъ-циникъ ?

Паконій. — Деметрій ([26]) также точенъ, какъ тѣнникъ
На солнечныхъ часахъ, и посмотрите,
Что скоро самъ войдетъ къ намъ длинной тѣнью.

Гельвидій. — Пусть входитъ : тѣнь для термъ необходима.

Паконій. — Да, кстати ! Догадался ли вы,
Зачѣмъ я нынче выбралъ эти термы ?

Монтанъ. — Загадка сфинкса !

Паконій. — Кто жь Эдипомъ будетъ ?

Эгнатій. — Пожалуй, я : здѣсь вѣрно новый поваръ ?

Паконій. — О, мудрый мужъ ! ты выше всѣхъ похвалъ !

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же. Входитъ Деметрій. *(На немъ худая мантія : въ рукахъ посохъ, за спиной сума).*

Деметрій *(останавливается у двери и ограждаетъ глаза рукою).*
Туда ли я по слѣпотѣ зашелъ ?
Паконій звалъ меня на скромный ужинъ,
А здѣсь — дворецъ и пиръ...

Паконій *(идетъ ему навстрѣчу).* — Умилосердись
И не громи укорами своими
На этотъ только вечеръ...

Деметрій *(ставитъ въ уголъ посохъ).* — Я молчу.

Паконій. — Позволь тебя съ друзьями познакомить.
Ты съ Сенціемъ и молодымъ Монтаномъ
Знакомъ уже... *(Указываетъ на Гельвидія и Эгнатія).*

Вотъ это зять Тразеи,
Сенаторъ и пріятель мой Гельвидій,
А это вотъ Эгнатій, римскій стоикъ...
Онъ выросъ въ домѣ стараго Сорана,
Воспитанъ и любимъ имъ, какъ родной.

Деметрій. — Благодарю за новое знакомство :
Оно меня вполнѣ вознаградитъ
За твой обманъ.

Паконій. — О, ради Діогена,
Не упрекай ! Я такъ тебя боюся...
Ты можешь все на свѣтѣ доказать.

Гельвидій. — Твой страхъ понятенъ для меня, Паконій !
Ну, если намъ докажутъ, что не должно
Ни ѣсть, ни пить ?

Паконій *(хватаетъ себя за голову)*. — Me miserum! скорѣе,
Скорѣй за столъ! *(ударяетъ въ ладоши)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же. *Въ дверяхъ показываются рабы съ возліяльниками, блюдами и вѣнками.*

Паконій. — Прошу возлечь на ложа,
Ad libitum. За дружеской трапезой
Почетныхъ мѣстъ существовать не можетъ :
Всѣ равныя!

(Собесѣдники возлегаютъ. Рабы, надѣвъ имъ на головы пиршественные вѣнки, подаютъ сосуды съ водою и длинные платы).

Паконій *(отираетъ руки)*. — Сверцая омовенье,
Прилично, кажется, сказать два слова
О предстоящей трапезѣ. Межь нами,
Обычные состольники мои,
Есть новый гость и строгій порицатель
Всѣхъ жизненныхъ удобствъ: я разумѣю
Деметрія. Желая угодить
Его суровымъ правиламъ и вкусу,
Я заказалъ сегодня легкій ужинъ
На образецъ аѳинскаго: въ немъ будетъ
Не болѣе трехъ скромныхъ перемѣнъ.

Деметрій. — Не болѣе? Забавно! Я увѣренъ,
Что, ежели я попрошу тебя

Исчислить блюда первой перемѣны,
Ты будешь въ затрудненіи....
Паконій. — Нисколько.
Намъ подадутъ немного свѣжихъ устрицъ
Да раковинъ, поджаренныхъ въ золѣ,
Павлиньи яица, свиныя ножки,
Свиное вымя съ уксусомъ и тминомъ,
Медвѣжью печень, голову ягненка....
Ну, что еще?... Телячьи потроха
Съ подливкою изъ масла и горчицы,
Да разныхъ птичекъ въ соусѣ горячемъ,
Да... вотъ и все... Прибавочныя снѣди
Я не считаю: это ужь бездѣлка!
Кусочки брюквы, въ уксусѣ вареной,
Поджаренная въ маслѣ чечевица,
Сыръ, стрекозы, оливы изъ разсола,
Улитки, раки....
Деметрій. — Пощади, Паконій!
Монтанъ *(Деметрію)*, — Ты, кажется, невѣрно, разсчиталъ,
Что у него плохая память?
Деметрій.— Правда....
Я не дивлюсь способности Римлянъ
Ничѣмъ не брезгать, но дивлюся крайне
Вмѣстимости желудка ихъ.
Паконій.— А я
Дивлюсь тому, какъ греческій философъ
Не постигаетъ таинства науки,
Преподанной его же земляками,
Учеными поэтами....
Но время,
Трапезные начатки отдѣливъ
Для алтаря Діаны свѣтозарной,
Наполнить кубки искрометнымъ сокомъ
И тихую бесѣду повести
За вечерей. *(рабамъ).*
Готовьте возліянья!

(Рабы уносятъ сосуды съ водой и совершаютъ возліянія передъ серебряной статуйкой Діаны, поставленной на серебряномъ подносѣ. Столъ покрывается разнородными кушаньями. Виночерпій наливаетъ изъ кратеры тяжелый кубокъ и подаетъ его колѣнопреклоненно Паконію).

Паконій *(принимая кубокъ)*. — Благословите, Гигія и Бахусъ! [27]
(Отпиваетъ кубокъ и передаетъ его Деметрію).
Хіосское и перваго разбора! *(Кубокъ обходитъ всѣхъ пирующихъ, за которыми становятся рабы и прислуживаютъ имъ во все время ужина.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и архимагиръ [28] *съ золотымъ блюдомъ, на которомъ лежатъ закрытыя устрицы. Онъ подходитъ къ* Деметрію.

Паконій *(архимагиру)*. — Что это значитъ: устрицы закрыты?
Архимагиръ. — Онѣ прикрыты только, благородный
Паконій!
Паконій. — Для того, чтобъ сохранить
Въ нихъ ароматъ и свѣжесть?... Понимаю. *(Архимагиръ обноситъ устрицы; гостямъ подаютъ тарелки и заостренныя съ одного конца золотыя ложки.)*
Деметрій *(открываетъ раковину)*. —
Ого!... смотрите въ раковинѣ жемчугъ.
Гельвидій. — И у меня!
Монтанъ. — И у меня.
Эгнатій. — У всѣхъ.
Сенцій. — Паконій, эта роскошь выше мѣры!
Какъ можно бросить тысячи сестерцій
На обыденный ужинъ?
Паконій. — Что за шумъ
Изъ-за пригоршни жемчугу дряннаго!...
Я, впрочемъ, не причастенъ ничему:
Во всемъ виновенъ торопливый поваръ. *(Архимагиру.)*
Откуда жемчугъ?... Отвѣчай, мошенникъ!
Архимагиръ *становится на колѣни.* —
Такой уловъ.... Прости великодушно.
Паконій. — Встань: я тебя прощаю. Это блюдо
(Архимагиръ встаетъ.)
Возьми себѣ, а эти черепки,
Насыпанные зернами, тотчасъ же
Отнесть моимъ гостямъ любезнымъ на домъ.
Гельвидій. — Паконій!...
Паконій. — Тс! Теперь я вашъ диктаторъ.
И запрещаю прекословить мнѣ. *(Рабамъ.)*
Подать намъ свѣжихъ устрицъ, а ритоны [29]
Налить ѳазосскимъ съ аравійской миррой. *(Гостямъ.)*

По каплѣ нектаръ Ѳазоса впивая,
Мы будемъ слушать музыку.... *(Рабы подносятъ устрицъ на финифтяныхъ блюдахъ и подаютъ гостямъ питейные рога.)*
Монтанъ!
Ты не споешь вакхическаго гимна?
Монтанъ. — Нѣтъ, не могу : не въ голосѣ!
Паконій. — Досадно!
Скажи хоть рѣчь въ честь бога винограда.
Монтанъ. — Уволь, Паконій, отъ рѣчей!...
Но хочешь,
Я постараюсь кое-какъ припомнить
Стихотворенье одного поэта....
Паконій. — Безъ имени?
Эгнатій. — Мы, впрочемъ, догадались.
Паконій. — Читай же намъ подъ музыку.
Монтанъ. — Пожалуй.
(Паконій ударяетъ два раза въ ладоши. За сценой слышатся тихіе звуки флейты).
Монтанъ *(декламируетъ)*. — Вакхъ вѣчно-юный! Я днесь на алтарь твой набросилъ
Вѣтвей зеленаго лавра и, агничій тукъ возложивши,
Облилъ пурпурнымъ виномъ и возжегъ тебѣ скромную жертву.
Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о сынъ свѣтлоокой Семелы!
Чужды мнѣ были и пѣсни селянъ, собиравшихъ
Съ лозъ виноградныхъ прозрачно-янтарные грозды,
Чужды мнѣ были и рѣзвыя игры вакханокъ :
Жилъ я безъ цѣли, пока не видалъ Эвриноны.
Сидя недавно подъ сѣнью оливовой рощи,
Скрытый пахучимъ наметомъ вѣтвей остролистыхъ,
Слушалъ я оргіи шумной далекіе клики.
Вдругъ предо мною, еленицѣ стройной подобна,
Легкой, беззвучной стопою прошла Эвринона.
Быстрая пляска и сокъ виноградный ее утомили :
Тихо склонилась она на траву и заснула
Сномъ непробудно-глубокимъ, но жарко-тревожнымъ.
Млѣя отъ страсти, я видѣлъ, какъ тирсъ изъ руки ея выпалъ,
Какъ, постепенно скользя изъ-подъ тигровой кожи,
Млечной волной выбѣгали упругія плечи,
Какъ прикипали къ горячимъ ланитамъ рѣсницы,
Какъ раскрывались уста и манили лобзанья...

Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о сынъ свѣтлоокой Семелы !

Сенцій. — Стихи недурны, только не по мнѣ :
Я не любитель греческихъ вакханокъ
Съ ихъ тирсами и тигровою кожей.
Ну, то-ли дѣло римскія менады ([30]) !
Увертливы, какъ птички полевыя,
Обнажены подъ тонкою небридой,
Съ запястьями на трепетныхъ рукахъ,
Съ обѣтами во взорахъ раскаленныхъ,
Съ тимпаномъ надъ кудрявой головою...
Глядѣлъ бы вѣкъ !...

Паконій *(ударяетъ три раза въ ладоши).* — Да вотъ онѣ : гляди!

(За сценой раздается веселая музыка; въ столовую вбѣгаетъ нѣсколько менадъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и менады.

Начинается пляска. — Менады, сцѣпясь руками, носятся по сценѣ, разбѣгаются, сходятся, опять разбѣгаются. Посереди̇нѣ остается одна менада. Не двигаясь съ мѣста, словно прикованная къ помосту, она извивается, какъ змѣя; каждая фибра ея тѣла дрожитъ подъ музыкальный тактъ тимпана; движенія становятся быстрѣе и быстрѣе, и вдругъ она вся перекидывается назадъ и замираетъ въ томительной позѣ. Но это одинъ мигъ : менада порвала цѣпь и кружится по сценѣ. Гости рукоплещутъ. — Въ то время, какъ все вниманіе пирующихъ привлечено плясуньями, за сценой раздаются шумъ, шаги бѣгающихъ людей и наконецъ крики :

Пожаръ ! Пожаръ !

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же. *(Въ столовую вбѣгаетъ запыхавшійся рабъ).*

Рабъ. — Горитъ библіотека !

Пляска прекращается. Общая суматоха. Менады суетятся; рабы забираютъ сосуды, столовую утварь и приборы. Тѣ и другія толпою устремляются къ правому выходу, тѣснятся, давятъ другъ друга и уходятъ въ двери, которыя за ними затворяются. Нѣсколько лампъ угасаетъ отъ движенія воздуха. Шумъ за сценой становится сильнѣе. — Пирующіе спокойно остаются на ложахъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, *кромѣ* рабовъ и менадъ.

Паконій. — Мнѣ кажется, мы всѣ неторопливы
И, слѣдственно, допить ритѡны можемъ *(допиваетъ ритонъ).*

Я не кричалъ нарочно на рабовъ :
Мерзавцы перебили бы амфоры
И ужинъ намъ испортили бъ совсѣмъ.
Теперь онъ цѣлъ! Надѣюсь, вы зайдете
Ко мнѣ? *(Сквозь лѣвую дверь начинаетъ пробиваться дымъ. Паконій указываетъ на него рукой.)*
Однакожь, сильно пахнетъ дымомъ :
Пора уйдти *(встаетъ и идетъ къ дверямъ; другіе слѣдуютъ его примѣру).*
Деметрій *(Паконію)*. — Я полагалъ, что ты
Безъ ужина останешься сегодня
И что за твой сегодняшній обманъ
Тебѣ отмститъ по-крайней-мѣрѣ случай.
Эгнатій (*подходитъ къ дверямъ*). — Наврядъ ли случай : двери заперты.
Сенцій. — Какъ такъ?
Эгнатій. — Замкомъ.
Гельвидій. — Что жь это? западня?
Монтанъ. — Насъ сжечь хотятъ?
Эгнатій. — Сгорѣть намъ будетъ трудно,
А задохнуться можемъ.
Монтанъ. — Постучись же :
Намъ отопрутъ.
Эгнатій *(прислушивается у дверей)*. Не тотъ ли, кто насъ заперъ?
Повѣрьте : это дѣло Тигеллина...
И за дверями никого неслышно.
Гельвидій. — Чтожь дѣлать?
Паконій. — Выбить, если можно, двери,
Пока не спохватились...
Эгнатій. — Не трудися :
Со мной есть ключъ отъ всякаго замка *(вынимаетъ изъ-подъ тоги главный ключъ.)*
Но тише, тише... *(осторожно отворяетъ двери и просовываетъ въ нихъ голову).*
Никого... Бѣгите!
Паконій. — Эгнатій! Ты спасаешь насъ вторично :
Чѣмъ мы тебѣ отплатимъ!
Эгнатій. — Я спасаю
Не васъ — себя.

(Всѣ поспѣшно уходятъ. Сцена пуста. Дымъ густѣетъ. Черезъ нѣсколько времени Эгнатій возвращается, подбѣгаетъ къ статуѣ Гигіи и ударяетъ два раза по ея подножію. Статуя сдвигается съ мѣста и открываетъ потаенную дверь; въ двери показывается Тигеллинъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Эгнатій, Тигеллинъ.

Эгнатій *(цалуетъ полу тигеллиновой тоги)*. — Будь вѣкъ благополученъ
И счастливъ, благородный Тигеллинъ!
Тигеллинъ (*входитъ въ столовую*). — Гдѣ стоики?
Эгнатій. — Я думаю, ужь дома.
Тигеллинъ. — Все удалося?
Эгнатій. — Лучше, чѣмъ я думалъ.
Чтобъ одурачить этихъ мудрецовъ,
Довольно было ссоры двухъ плебеевъ,
Немного шума и немного дыма.
Тигеллинъ. — Какъ и всегда, ты выдумалъ прекрасно.
Одна стрѣла въ двѣ цѣли угодила:
И термы можно будетъ перестроить
По плану и желанію Нерона...
Эгнатій. — И стоики попалися намъ въ руки.
Тигеллинъ. — Теперь ты твердо убѣжденъ въ успѣхѣ?
Эгнатій. — Теперь они мнѣ жизнь свою довѣрятъ:
Надняхъ я имъ составлю протоколъ,
И всѣ они подпишутся...
Тигеллинъ. — Объ этомъ
Ты дома мнѣ подробнѣе разскажешь.
Скажи мнѣ лучше о самомъ себѣ,
Но только откровенно, понимаешь?
Эгнатій. — Я не могу передъ тобой таиться.
Тигеллинъ. — Безъ цѣли ты мнѣ преданъ быть не можешь...
Ты не тщеславенъ, вовсе не корыстенъ...
Что жь придаетъ тебѣ такія силы?
Какая страсть твой разумъ окриляетъ?
Месть?... Жажда власти?... Нѣнависть?...
Эгнатій (*наклоняетъ голову*). — Любовь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Перистиль въ домѣ Сорана. Шестьнадцать колоннъ, связанныхъ легкими арками, образуютъ на мраморномъ помостѣ перистиля правильный четвероугольникъ. На арки наброшенъ навѣсъ изъ цвѣтущаго плюща. Посрединѣ четвероугольника сажалка, выложенная мраморомъ и отѣненная кустомъ жасмина; по угламъ четыре водоема; у одного изъ нихъ бронзовая фигура лани, пьющей воду. Въ промежуткахъ колоннъ вазы и статуи. Перистиль обнесенъ грядками цвѣтовъ; на заднемъ планѣ онъ отдѣляется трехступеннымъ порогомъ отъ уборной, задернутой занавѣсомъ. Справа и слѣва надворныя стѣны дома съ выступами, украшенными живописью. Между выступовъ, направо, двѣ занавѣшенныя двери, въ библіотеку и спальню, налѣво одна дверь въ божницу, другая въ пріемную.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сервилія *сидитъ подъ жасминнымъ кустомъ. Она въ голубой туникѣ безъ рукавовъ и безъ покрывала; черные волосы лежатъ на ея головѣ тяжелой косой, пронзенной золотой стрѣлою; въ рукахъ у нея длинная далія. Сервилія задумалась и играетъ стеблемъ цвѣтка въ водѣ сажалки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сервиліи* Антонія *за прялкой, и четыре невольницы, занятыя шитьемъ.*

Антонія *(прядетъ).* — Въ былое время римскія матроны
Любили заниматься рукодѣльемъ
И въ атріумъ сбирались ежедневно,
Чтобъ ткать и шить смиренныя одежды
И слушать пѣсни тихія невольницъ.
Теперь не тѣ обычаи и нравы :
Съ утра тѣснятся въ атріумѣ гости,
Да паразиты, да толпа кліентовъ,
А римскія матроны не умѣютъ
И въ руки взять иглы, иль челнока.
Дѣвицы благородныя стыдятся
Веретена и прялки, позабывши,
Что пряжею богини не гнушались,
А за тканье...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Эгнатій.

Эгнатій *(выходитъ при послѣднихъ словахъ изъ пріемной)*. — До смерти убивали!

Антонія *(тихо)*. — Всегда съ насмѣшкой... дерзкій недовѣрокъ!

Эгнатій *(подходитъ къ Сервиліи и низко кланяется*. — Сервилія! да свѣтитъ это утро
Привѣтною улыбкою боговъ
Твоимъ очамъ небесно-виднымъ!

Сервилія *(отвѣчаетъ на его поклонъ легкимъ движеніемъ головы)*. — Salve!

Эгнатій. — Родитель твой прислалъ тебѣ сказать,
Что онъ съ тобой поговорить желаетъ
И проситъ подождать его немного
Здѣсь, въ перистилѣ.

Сервилія *(не поднимая глазъ)*. — Жду нетерпѣливо
Безцѣннаго родителя.

Эгнатій *(пристально поглядѣвъ на Сервилію, отходитъ къ Антоніи)*. — Дозволь,
Почтенная Антонія, замѣтить,
Что ты меня превратно понимаешь.
Упомянувъ о праведныхъ богиняхъ,
Я намекнулъ на древнее преданье,
Хранимое религіею нашей:
Изволь сама припомнить, какъ Минерва,
Завидуя искусству Арахнеи,
Во гнѣвѣ, челнокомъ ее убила,
А остальные праведные боги
Рѣшили обезсмертить Арахнею,
И тутъ же обратили въ паука!
Вотъ видишь ли: я вѣрю и дивлюся
Величію и мудрости боговъ,
А ты меня считаешь недовѣркомъ! *(пожимаетъ плечами и уходитъ въ пріемную)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, кромѣ Эгнатія.

Антонія. — Слухъ кошачій и кошачья душа!

Сервилія *(встаетъ съ мѣста)*. — Кормилица! оставь его въ покоѣ

И не сердись: его отецъ мой любитъ. *(Бросаетъ цвѣтокъ и подходитъ къ Антоніи.)*
Позволь мнѣ поработать за тебя:
Я докажу, что римскія дѣвицы
Не всѣ стыдятся говорливой прялки
И прясть умѣютъ.

Антонія. — Милое дитя!
Да развѣ ты на остальныхъ похожа?
Родитель твой воспитывалъ тебя
Въ смиренномъ благочестіи... Не даромъ
Ему наука разумъ просвѣтила:
Онъ сердце нѣжной женщины вмѣстилъ
Въ груди могучей твердаго мужчины,
И волю непреклонную отца
Смягчилъ любовью матери, которой
Ты съизмала лишилась... *(Складываетъ руки.)*
Веселися
Въ элизіумѣ, праведная тѣнь!

Сервилія. — Я не знавала матери моей,
Но ты ее собою замѣнила,
Любимая Антонія моя! *(цалуетъ Антонію.)*

Антонія. — Я?.. нѣтъ, моя Сервилія! Напрасно
Ты думаешь, что я тебя ростила:
Все твой отецъ. Онъ взялъ меня изъ праха,
Онъ душу мнѣ очистилъ и покрылъ
Сосудъ скудельный яркой позолотой.
Я... я была орудіемъ бездушнымъ
Въ рукахъ у вертоградаря, который
Ухаживалъ за молодымъ растеньемъ...
И вотъ былинка листья распустила
И развилась въ цвѣтокъ благоуханный...

Сервилія *(съ упрекомъ)*. — Антонія!.. позволь я сяду прясть.

Антонія *(встаетъ)*. — Садись, моя привѣтливая нимфа!
Развеселися: ты грустна сегодня
И вовсе не похожа на невѣсту.

Сервилія. — Не называй невѣстою меня:
Мнѣ въ этомъ словѣ слышится разлука
Съ моимъ отцомъ.

Антонія. — Изволь, я перестану... *(Невольницамъ.)*

Возьмите лиру! будемъ вторить пѣсней
Работѣ нашей юной госпожи. *(Одна изъ невольницъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, кромѣ невольницы. *(Сервилія садится за прялку.)*

Антонія. — Поистинѣ, разумно говорится,
Что клевета, какъ мошка, незамѣтно
Въ щель проползетъ... Ты чище голубицы,
А на тебя клевещутъ злые люди.
Дня три тому, я встрѣтила рабыню
Сосѣдки нашей Силіи ([31]), Аллею:
Съ ней госпожа обходится жестоко
И при себѣ въ уборной истязуетъ
За каждую бездѣлку: за пылинку
На зеркалѣ, за погнутую шпильку,
За волосокъ, отставшій отъ кудрей.
Аллея мнѣ за тайну говорила,
Что Силія тебя при всѣхъ поноситъ
И называетъ наглою дѣвчонкой,
Которая гуляетъ по террасамъ
И въ разговоръ съ мужчинами вступаетъ.
Сервилія. — Какія рѣчи низкія! Не вѣрю,
Чтобы вдова сенатора могла
Такъ говорить.
Антонія. — Аллея увѣряетъ,
Что Силія всѣмъ сердцемъ ненавидитъ
Тебя за встрѣчу съ молодымъ трибуномъ
Валеріемъ...
Сервилія *(краснѣетъ и начинаетъ прясть)*. — Я слушать не хочу
Про эту злую женщину... *(Входитъ невольница съ лирой.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и невольница.

Сервилія *(Антоніи)*. — Вели
Невольницамъ запѣть скорѣе пѣсню:
Пусть отдохнетъ мой оскорбленный слухъ
На тихостройномъ ритмѣ...
Антонія *(невольницамъ)*. — Начинайте!

Хоръ.

Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!
Мы кудели напрядемъ,
Мы основу наснуемъ,
Станемъ брачныя туники
Ткать для юной Эвридики *(Сервилія вздрагиваетъ и перестаетъ прясть).*
Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Соранъ *выходитъ изъ пріемной, подходитъ потихоньку къ Сервиліи и цалуетъ ее.*

Сервилія *(встаетъ и обнимаетъ Сорана).* — Carissime!
Соранъ. — Ты — истая квиритка:
Прядешь подъ пѣсню мамки и невольницъ.
Сервилія. — Мнѣ было грустно...
Соранъ. — Молодымъ дѣвицамъ
И грустно передъ радостью. *(Махаетъ рукой Антоніи и невольницамъ).*
Уйдите! *(Антонія и невольницы уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ *(отходитъ съ Сервиліею на авансцену).* — Сервилія! Ты знаешь, что подъ старость
Судьба меня утѣшила нежданно
Почетнымъ предложеніемъ Тразеи,
Учителя и друга моего? *(Сервилія молчитъ).*
Ты знаешь, что Тразеа удостоилъ
Тебя своимъ вниманьемъ и желаетъ
Назвать супругой?...
Что же ты молчишь?
Сервилія *(тихо).* — Я знаю...
Соранъ. — Время смутное настало;
Гоненія и ложные доносы

Распространили повсемѣстный ужасъ.
Хоть истина должна сразить неправду;
Но скоро ли?.. Доселѣ достоянье
И жизнь гражданъ висятъ на волоскѣ...
Я старъ и хилъ... тебѣ нужна опора
Такая, какъ Тразеа: цѣлый Римъ
Съ него беретъ примѣръ и подражаетъ
Его рѣчамъ, пріемамъ и осанкѣ.
Тразеи имя — символъ благородства,
И мудрости, и твердости геройской.
Поэтому я пригласилъ Тразею,
Чтобъ кончить дѣло — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...
Приготовляйся къ брачному обряду.

Сервилія. — Отецъ!.. послушай... Охъ, какъ тяжело!..
Послушай... Не-уже-ль тебѣ не жалко
Съ Сервиліей твоею разставаться?
Я молода... Давно ли я надѣла
Дѣвичью стòлу?.. Дай мнѣ подышать
Твоей любовью и безпечной волей!

Соранъ. — Сервилія! стыдися отвѣчать
Словами неразумнаго ребенка
На рѣчи задушевныя...

Сервилія. — Постой!
Ложь устъ моихъ еще не осквернила.
Передъ тобой я разрываю грудь
И обнажаю трепетное сердце:
Гляди въ него!.. Ты мудръ и прозорливъ:
Гляди въ него! Ты видишь ли, кàкъ крѣпко
Его тоска холодная сжимаетъ?
Предчувствіемъ бѣды неотразимой,
Сомнѣньями и неотступной думой
Моя душа тревожная полна...
Ты знаешь ли? меня и днемъ и ночью
Преслѣдуетъ повсюду чудный призракъ:
Ты помнишь, тотъ старикъ-христіанинъ...
Онъ весь въ крови; но взоръ его сверкаетъ
Величіемъ святаго вдохновенья...
Онъ на меня привѣтливо глядитъ
И нà небо рукою указуетъ...

Соранъ. — Утѣшься: твой загадочный фанатикъ

Исчезъ вчера изъ городской тюрьмы
И не одинъ... Измучивъ на допросѣ,
Его, полуживаго, опустили
Въ темницу и сковали вмѣстѣ съ Цестомъ :
Цестъ перервалъ заржавленныя цѣпи
И, выломавъ оконную рѣшетку,
Унесъ на мощныхъ плечахъ старика.
Должно-быть, ночью онъ пробрался къ Тибру
И переплылъ его съ христіаниномъ,
Поблизости Фабриціева Моста.
По-крайней-мѣрѣ полусонный сторожъ
Замѣтилъ, какъ на лѣвомъ берегу
Приподнялась громадная фигура
Съ какой-то ношей... И теперь твой призракъ,
Конечно, рыщетъ въ галлинарскихъ дебряхъ
Съ полсотнею такихъ же побродягъ.

Сервилія. — Онъ спасся ! Да хранитъ его Юпитеръ !

Соранъ. — Вотъ точно такъ, повѣрь мнѣ, убѣгаютъ
Всѣ призраки изъ костяной темницы,
Что̀ люди называютъ головой.
Когда они исчезнутъ, въ ней зажжется
Свѣтильникъ яркій разума... И ты
Его лучами также озаришься,
Назвавшися супругою Тразеи.

Сервилія. — Не поминай мнѣ имени Тразеи :
Межь нимъ и мной стоитъ уже не призракъ.
Да !... я должна во всемъ тебѣ признаться :
Мнѣ кажется... что я люблю... другаго... *(падаетъ на колѣни.)*
Отецъ ! убей и прокляни меня,
Или спаси и вырви страсть изъ сердца !

Соранъ *(поднимаетъ Сервилію)*. — Безумное, безумное дитя !
Ты словъ своихъ сама не понимаешь.
Ты любишь ?... Да любовь и страсть — химера,
Любовь — недугъ прилипчивый души :
Чтобы ему развиться, нужно время
И отъ него лекарство — тоже время.
Ты не могла любовью заразиться,
Любить еще не можешь и не любишь.

Сервилія. — Я не могла ? я не могу любить ?
Я не люблю !... *(подбѣгаетъ къ Сорану.)*

Не смѣйся надо мною
И пожалѣй Сервилію твою!
Спаси меня! спаси меня!... *(припадаетъ къ Сорану на плечо головой и рыдаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ. — Сенаторъ
Тразеа
Соранъ. — Попроси его сюда. *(Рабъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ. — Сервилія, отри пустыя слезы!
Сервилія. — Отецъ, для пепла матери моей,
Не погуби дитя свое родное!...
Соранъ *(строго)*. — Сервилія! я даромъ словъ не трачу:
Сегодня же судьба твоя рѣшится...
Одѣнься и скорѣе приходи.
Сервилія *(гордо приподнимаетъ голову)*. — Прійду... *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается.)*
А ты, отецъ, скажи Тразеѣ,
Что дочь твоя, Сервилія, клянется —
Не быть его женою никогда! *(уходитъ въ уборную.)*
Соранъ *(съ изумленіемъ смотритъ ей вслѣдъ)*. — Нѣтъ, это не ребяческій порывъ,
А вопль души растерзанной... Уже-ли
Инстинктъ сильнѣе разума и воли?...

(Изъ пріемной выходятъ Тразеа и Эгнатій.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Соранъ, Тразеа, Эгнатій. *(Въ рукахъ у Эгнатія свитокъ, чернильница и тростниковое перо.)*

Соранъ *(идетъ на встрѣчу Тразеѣ)*. — Ты застаешь меня въ недоумѣньи:
Я предложилъ себѣ одинъ вопросъ
И разрѣшить его не въ-состояньи.
Тразеа *(пожимаетъ ему руку)*. — Намъ многое прійдется разрѣшить,
Мой старый другъ!

Соранъ. — И разрѣшить скорѣе.
Тразея. — Да! каждый день и каждый часъ намъ дорогъ,
А время, *этотъ образъ подвижной*
Недвижной вѣчности, летитъ на крыльяхъ.
Соранъ. — Тебѣ читалъ Эгнатій протоколъ?
Тразеа. — Я самъ прочелъ: составленъ онъ искусно,
Но двѣ-три фразы — болѣе чѣмъ рѣзки.
Эгнатій. — Въ прошеніи ихъ можно и смягчить.
Тразеа. — Такъ; но, пока напишется прошенье,
Скрѣпленный всѣми нами протоколъ
Останется такой живой уликой,
Что Тигеллинъ за каждую строку
Заплатитъ грудой золота... А впрочемъ,
Считай мои слова за *nota-bene:*
Я первый подпишусь на протоколѣ.
Эгнатій. — Зачѣмъ же? Я составлю лучше новый.
Тразеа. — А Тигеллинъ покамѣстъ насъ сожжетъ,
Иль наградитъ подаркомъ отъ Локусты?
Нѣтъ! дай сюда... Судьбы не измѣнить. (*Беретъ у Эгнатія свитокъ, кладетъ на подножіе одной изъ статуй и подписываетъ*).
Тебѣ, Соранъ. (*Передаетъ свитокъ*).
Соранъ (*подписываетъ*). — За доблестнымъ Тразеей
Весь Римъ подпишетъ.
Тразеа. — Чистый парадоксъ:
Едва ли въ Римѣ сотая часть гражданъ
Писать умѣетъ.
Соранъ. — Можно научить (*подаетъ свитокъ Эгнатію*).
Эгнатій. — Теперь идти къ Валерію?
Тразеа. — Ненужно:
Валерій не подпишетъ.
Соранъ. — Почему?
Тразеа. — Вотъ почему. На случай неудачи,
Намъ надобно защитника имѣть:
А кто жь надежнѣй защитить насъ можетъ,
Какъ не Валерій?
Эгнатій. — Властію трибуна,
Которую мы помнимъ по преданью?
Тразеа. — Всѣмъ: именемъ, любовію народа,
Отвагою, краснорѣчивымъ словомъ,
А, можетъ быть, и властію трибуна.

Эгнатій. — Но нѣтъ причинъ бояться неудачи:
За насъ весь Римъ.
Тразеа. — На это возраженье
Отвѣтитъ смерть Рубеллія, Сенеки,
Изгнаніе Музонія... Скорѣе
Мы можемъ ожидать центуріона (32)
Съ извѣстіемъ о грозномъ обвиненьи,
Чѣмъ что-либо другое.
Соранъ. — Я согласенъ:
Валерія ненужно безпокоить. *(Эгнатію)*
Пускай теперь подпишутъ остальные...
А ты имъ передай нашъ разговоръ.
Тразеа. — И повѣсти́, что мы черезъ недѣлю
Надѣемся предъ кесаря предстать.
Соранъ. — Иди же къ нимъ и не забудь, Эгнатій,
Что участь многихъ ввѣрена тебѣ:
Малѣйшая ошибка, промедленье,
Неосторожно-сказанное слово,
Намекъ на нашу цѣль — и мы пропали...
Но я тебя воспитывалъ и вѣрю
Тебѣ, какъ сыну.
Эгнатій. — Вѣришь не напрасно.
Мой благодѣтель и второй отецъ! *(Цалуетъ руку Сорана).*
Эгнатій твой погибнетъ, иль достигнетъ
Желанной цѣли. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тразеа, Соранъ.

Соранъ *(указываетъ на уходящаго Эгнатія).* — Явственый примѣръ
Побѣды воспитанья надъ природой:
Эгнатій-мальчикъ былъ волчонка диче,
Эгнатій-мужъ достоинъ удивленья,
Кабъ образецъ разумнаго безстрастья
И тонкости... не правда ли, Тразеа?
Тразеа. — Неоспоримо... хоть съ недавнихъ поръ
Я начинаю сильно сомнѣваться
Въ возможности преодолѣть природу.
Соранъ. — Твои сомнѣнья сходятся съ моими,

И знаешь, кто ихъ на меня наводитъ?..
Сервилія!

Тразеа. — А на меня Валерій.

Соранъ. — Валерій?.. Что̀ такое съ нимъ случилось?

Тразеа. — Соранъ, твоя пріязнь даетъ мнѣ право
На смѣлое и тяжкое признанье...
Ты знаешь ли, что я пришелъ съ отказомъ?

Соранъ. — Съ какимъ отказомъ? отъ чего?

Тразеа. — Отъ брака
Съ Сервиліей.

Соранъ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*. — Отъ всякого другаго
Я принялъ бы подобныя слова
За кровную обиду; но отъ друга,
Но отъ Тразеи... я ихъ принимаю
За темную загадку...

Тразеа. — Объяснимся...
Но не забудемъ, другъ мой, изреченья
Сенеки: *nihil magnum nisi quod*
Est placidum.

Соранъ. — Я это изреченье
Себѣ поставилъ правиломъ, Тразеа:
Величіе — въ спокойствіи.

Тразеа. — Послушай.
Я дочь твою люблю и почитаю,
Какъ моего Валерія: сильнѣе
Изобразить любви я не могу.
Но погляди, Соранъ, на насъ обоихъ:
Вѣдь мы съ тобой ровестники... Нельзя же
Намъ утѣшать себя съ Анакреономъ
И говорить, что къ старческимъ сѣдинамъ
Пристала юная краса дѣвицы,
Какъ роза къ бѣлымъ лиліямъ!.. Конечно,
Я долженъ былъ заранѣе подумать
О посѣдѣлыхъ волосахъ моихъ;
Но эта необдуманность и служитъ
Безспорнымъ доказательствомъ того,
Что разумъ нашъ безсиленъ надъ инстинктомъ.
Я былъ слѣпцомъ, но мнѣ глаза открыла
Моя же дочь замужняя, Сабина:

Она пришла и объявила мнѣ,
Что я, къ осенней жатвѣ буду... дѣдомъ!

Соранъ. — Тразеа! Эти доводы...

Тразеа. — Позволь!
Я привожу ихъ, только какъ вступленье.
Сознайся, что мы оба виноваты,
Что оба мы съ тобою заблуждались,
Скрѣпляя дружбу узами родства:
Какъ-будто мы по духу не родные!
Оставимъ это... Разсуди, Соранъ,
Имѣю ли я право, начиная
Борьбу на жизнь и смерть съ временщикомъ,
Связать свою загадочную участь
Съ судьбой твоей Сервиліи?

Соранъ. — А я,
Ея отецъ, я развѣ не усердный
Сообщникъ твой?

Тразеа. — Соранъ, отецъ — не мужъ!
Припомни, чѣмъ за мужа поплатилась
Супруга злополучнаго Сенеки?
Но выслушай теперь послѣдній доводъ
Невольнаго отказа моего.
Скажи мнѣ прямо, какъ ты понимаешь
Валерія?

Соранъ. — Я такъ цѣню высоко
Валерія, что, по моимъ понятьямъ,
Одинъ безукоризненный Тразеа
Достоинъ былъ усыновить его.

Тразеа. — Здѣсь похвала Тразеѣ неумѣстна...
Чтобъ болѣе не длить намъ разговора,
Скажу тебѣ: Валерій мой страдаетъ,
И гордое молчаніе хранитъ,
А мы его страданія причина...

Соранъ. — Мы?

Тразеа. — Оба мы: онъ любитъ безнадежно
Сервилію... Не спрашивай меня,
Какъ я успѣлъ проникнуть эту тайну;
Но знай, что, послѣ безконечныхъ споровъ,
Я убѣдилъ Валерія прійдти

Къ тебѣ сегодня... Другъ мой не-уже-ли
Мы, старики, уступимъ молодому
Въ величіи и благородствѣ духа?

Соранъ. — Все это такъ нежданно объяснилось,
Что я не въ-силахъ пріискать отвѣта
И съ мыслями собраться не могу...
Однако же, Тразеа, откровенность
Питается правдивыми рѣчами,
Какъ родниками свѣтлыми ручей...
Я, въ свой черёдъ, тебѣ признаться долженъ:
Сервилія моя тебя не любитъ
И полюбила горячо другаго.

Тразеа *(безпокойно)*. — Кого же?

Соранъ. — Я не знаю; но узнаю... *(ударяетъ въ ладоши; входитъ рабъ).*
Сейчасъ ко мнѣ прибудетъ благородный
Трибунъ Валерій Рустикъ: пригласи
Повременить недолго въ перистилѣ. *(Рабъ уходитъ).*
(Тразеѣ.)
А мы съ тобой пойдемъ въ библіотеку
И кончимъ нашъ тяжелый разговоръ. *(Уходитъ; сцена пуста.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

(Входитъ Сервилія. На ней бѣлая стола и прозрачное покрывало, прикрѣпленное къ волосамъ алмазнымъ уборомъ матронъ).

Сервилія *(подходитъ къ цвѣтамъ)*. — Цвѣты мои! и вы въ палящій полдень,
И вы, краса вѣнчанная весны,
Тоскливо наклоняете коронки
Подъ знойными лобзаніями вѣтра;
Но васъ кропитъ разсвѣтная роса,
Вечерняя прохлада освѣжаетъ,
И въ полдень поливаетъ васъ рука
Заботливой Сервиліи...
А сердце,
Палимое огнемъ ревнивой страсти,
Кропится только горькими слезами
И кровью обливается... *(беретъ у водоема лейку и начинаетъ поливать цвѣты. Входитъ Валерій и останавливается).*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Сервилія, Валерій.

Сервилія *(не видя Валерія)*. — Зачѣмъ же
Богами чувство женщинѣ дано,
Когда свободу чувства отнимаютъ
У ней судьба и люди?... *(ставитъ лейку на водоемъ)*.
Вся природа,
Цвѣты, деревья, волны голубыя
И птицы голоситыя поютъ
Хвалебный гимнъ праматери Кипридѣ,
А бѣдная Сервилія не можетъ
Назвать того, къ кому душа стремится,
Сказать : люблю, люблю тебя ! *(оборачивается и, увидѣвъ Валерія, вскрикиваетъ :)*
Валерій !

Валерій *(кланяется Сервиліи)*. — Привѣтъ прекрасной дочери Сорана.

Сервилія *(откланивается)*. — Благодарю... *(идетъ на встрѣчу Валерію)*
Благодарю и случай,
Который неожиданно привелъ
Къ пенатамъ нашимъ дорогаго гостя.
Отецъ сейчасъ прійдетъ : не поскучай
Бесѣдой неразумною дѣвицы.

Валерій. — Прости меня, Сервилія... Невольно
Я прервалъ нить твоихъ мечтаній ясныхъ
И образъ лучезарный ихъ затмилъ,
Какъ туча мимолетная невольно
Лучи звѣзды вечерней затмѣваетъ.

Сервилія. — Не ты, а я виновна, и стыжуся,
Что мой нестройный лепетъ долетѣлъ
До слуха благороднаго трибуна :
Смѣшны мужамъ меча и латиклавы (32)
Дѣвичьи грезы...

Валерій. — Грезы молодыя
Съ душой дѣвицы также неразлучны,
Какъ день и свѣтъ, какъ ароматъ и роза.
Смѣшно, когда мужчина станетъ грезить...
О невозможномъ счастьѣ.

Сервилія. — Я слыхала,
Что для разумной воли человѣка
Нѣтъ въ мірѣ невозможнаго.

Валерій. — Не спорю;
Но трудно, чтобы воля человѣка
Была всегда разумна и свободна.
Представь себѣ... я говорю примѣрно...
Представь себѣ, что я случайно встрѣтилъ
Богиню въ очертаньяхъ смертной дѣвы,
Что красоты ея не описать,
Что вся она, какъ нѣкогда Киприда,
Слилася изъ волны морской и свѣта,
Что обликъ ея дѣвственный сіяетъ
Невинно-величавой чистотою,
А очи — небо пламенное Рима :
Днемъ въ нихъ лазурь бездонная глядится,
А въ сумракъ зажигаются въ нихъ звѣзды...
Невольной данью чудной красотѣ
Во мнѣ любовь безумная проснулась...
Безумная : я дерзостно забылъ,
Что юная красавица — невѣста
И чья жь? отца и друга моего !
Скажи теперь, Сервилія, свободна ль,
Разумно ли свободна моя воля ?

Сервилія. — Я на примѣръ примѣромъ отвѣчаю.
Положимъ : эта дѣвушка не любитъ
И прежде не любила жениха,
И поклялась не быть его женою...

Валерій *(блѣднѣетъ)*. — Сервилія, ты шутишь?..
Я не вѣрю,
Чтобъ ты могла безжалостно шутить !

Сервилія. — Я не шучу безсонными ночами,
Слезами, одиноко-пролитыми,
И всей святыней чувства и любви...

Валерій. — Сервилія ! клянуся грознымъ Стиксомъ,
Никто и никогда такъ не полюбитъ
И не любилъ, какъ я тебя люблю!
Но... выслушай...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Тразеа.

Тразеа. — Остановись, Валерій!
Тразеа проситъ у тебя прощенья,
И у тебя, Сервилія!..
Подъ старость
Глаза людей слабѣютъ и не могутъ
Сносить лучей дневныхъ, не только блеска
Сіяющей и юной красоты...
Простите же меня великодушно!
Свою вину посильно я загладилъ:
Какъ твой отецъ, я для тебя, Валерій,
Просилъ у друга моего, Сорана,
Твоей руки, Сервилія!
Валерій. — Тразеа!...
Тразеа. — Соранъ вашъ бракъ благословить согласенъ
И вслѣдъ за мной идетъ сюда.
Валерій *(обнимаетъ Тразею)*. — Тразеа!
Отецъ и другъ мой!
Сервилія *(подаетъ Тразеѣ руку)*. — Вотъ моя рука
И слово благородное римлянки:
Тебя я уважаю наравнѣ
Съ моимъ отцомъ и съ будущимъ супругомъ. *(Валерію)*
Валерій, я давно тебя любила,
Теперь люблю еще сильнѣй!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Соранъ.

Сервилія *(кидается въ объятія Сорана)*. — Отецъ,
Прости твою Сервилію!
Соранъ *(цалуетъ ее)*. — Дитя,
Дитя мое, Сервилія моя!
Валерій *(подходитъ къ Сорану)*. — Сорану благородному извѣстна
Моя любовь къ Сервиліи: теперь
Я жду его отеческаго слова.
Соранъ. — Усыновленникъ мудраго Тразеи
Чужимъ изъ дома моего не выйдетъ.
Валерій! я всегда тебя считалъ

Своимъ роднымъ по сердцу и по мыслямъ :
Позволь же мнѣ обнять тебя, назвавши
Моимъ любезнымъ и желаннымъ сыномъ. (*Обнимаетъ Валерія*)
Вотъ дочь моя! тебѣ передаю
Я власть мою надъ нею : будь ей мужемъ,
Люби ее, храни и защищай *(Соединяетъ руки Валеріи и Сервиліи).*
А ты, незримый и верховный разумъ,
Благослови союзъ моихъ дѣтей!

Валерій. — Сервилія!
Сервилія. — Валерій мой! *(бросаются другъ другу въ объятія).*

Соранъ *(отираетъ слезу),* — Тразеа,
Вопросы о душѣ намъ разрѣшаетъ,
Не наша философія — любовь. *(Указываетъ на Валерія и Сервилію).*
Взгляни на нихъ : ихъ радости и счастью
Кто можетъ помѣшать?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Рабъ.

Рабъ. — Центуріонъ!
Валерій. — Центуріонъ?
Сервилія *(подбѣгаетъ къ Сорану).* — Зачѣмъ центуріонъ?
Соранъ. — Не знаю... *(рабу)*
Приведи его *(рабъ поднимаетъ занавѣсъ пріемной. Входитъ центуріонъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Центуріонъ.

Центуріонъ. — Граждане
Сенаторы, Тразеа и Соранъ !
Отъ имени Сената и народа
Я посланъ вамъ обоимъ возвѣстить ,
Что вы и соумышленники ваши
Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная въ домѣ Локусты. Задняя стѣна комнаты задернута чернымъ занавѣсомъ; боковыя стѣны, съ врѣзными колоннами, выкрашены черной краской. Направо дверь въ атріумъ; налѣво маленькая дверь, искусно скрытая выступомъ колонны. По стѣнамъ разставлена бѣдная утварь: нѣсколько складныхъ сѣдалищъ, и съ лѣвой стороны, у двери, невысокій аналогій; надъ нимъ качается двурогая лампа, привѣшенная къ потолку желѣзной цѣпью. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Локуста *перебираетъ на аналогіи нѣсколько свитковъ папируса, уложенныхъ въ ящичекъ.* Силія *сидитъ подлѣ аналогія. На Локустѣ черная туника, приподнятая съ правой стороны до колѣна; правая нога безъ обуви; волосы распущены; на головѣ вѣнокъ изъ желѣзняка. Силія въ сѣрой мантіи съ откиднымъ кукулемъ* ([34]); *изъ-подъ мантіи видна пурпурная туника съ легкимъ золотымъ шитьемъ.*

Локуста *(вынимаетъ и развертываетъ одинъ изъ свитковъ).* — Теперь
намъ остается испытать
Могущество любовныхъ чаръ Медеи:
Имъ научила нѣкогда меня
Покойная Канидія ([35])... Посмотримъ. *(Читаетъ).*
«Отлить изъ воска малое подобье
«Того, надъ кѣмъ должны свершиться чары;
«Развесть огонь волшебный изъ вѣтвей
«Смоковницы, растущей на гробницахъ,
«И похоронныхъ вѣтокъ кипариса;
«Въ огонь волшебный бросить: семь яицъ,
«Окрашенныхъ въ крови могильной жабы,
«Совиныхъ перьевъ, иберійскихъ травъ
«И кости, отнятыя у голодной
«Волчихи... Не гасить отнюдь огня,
«Пока костей не обратитъ онъ въ уголь...
«Домъ окропить авернскою водою...
«Потомъ намазать ядомъ василиска
«Фигуру восковую (имя-рекъ),
«И, сердце у нея пронзивъ иглою,

«Произносить такое заклинанье :
«Богиня тьмы и тайны !...»
И такъ дальше. *(Свертываешъ свитокъ).*
Желаешь ли ты, Силія, извѣдать
На сколько мощны эти чарованья?

Силія. — Локуста, дѣлай, что̀ тебѣ угодно.
Я, какъ ребенокъ, стала суевѣрна,
Слаба и легкомысленна... Бывало,
Я вѣрила однѣмъ могучимъ чарамъ —
Очей лазурныхъ и привѣтныхъ устъ :
Теперь любовь красу съ лица согнала,
Какъ ночь зарю съ потухнувшаго неба.
Я исхудала тѣломъ и душою,
И поневолѣ вѣрю заклинаньямъ.

Локуста. — Недугамъ тѣла пособить нетрудно :
Крупинки три моей жемчужной мази
Да капля эликсира — и румянецъ
Опять освѣтитъ блѣдныя ланиты....

Силія. — Но чѣмъ недугъ душевный исцѣлить?
(сбрасываетъ мантію и встаетъ)
Локуста! много страстныхъ поцалуевъ
Ремни моей котурны прожигало!
Нѣтъ класса и нѣтъ возраста, который
Не заплатилъ бы мнѣ сердечной дани —
Отъ консула до низкаго раба,
Отъ юноши стыдливаго до старца;
Но я надъ ихъ отчаянной любовью,
Надъ ревностью, надъ ихъ враждой взаимной
Безжалостно смѣялась, какъ надъ боемъ
Шутовъ и карловъ на аренѣ цирка.
Настало время полюбить и мнѣ:
И мнѣ на страсть отвѣтили презрѣньемъ
И предпочли другую... О, Юнона !
Чего бы не дала я за возможность
Смѣнить титулъ и званіе матроны
На званіе гетеры, за возможность
Сносить презрѣнье и любить!.. Но нѣтъ :
Я только мстить могу и ненавидѣть.... *(помолчавъ)*
Локуста, ты условья не забыла?

Мильйонъ сестерцій, если ты погубишь
Сервилію доносомъ, или....
Локуста *(перебиваетъ)*. — Знаю.
Однакожь ты не слишкомъ вѣрь разсказамъ.
Дѣйствительно, мнѣ нѣсколько извѣстны
Какъ польза, такъ и нѣкоторый вредъ
Врачебныхъ травъ; но остальное—слухи....
Силія *(улыбается)*. — Я уважаю въ женщинѣ стыдливость
И скромность.
Локуста. — Впрочемъ.... надобно замѣтить,
Что чары, совершенныя Медеей,
Имѣли цѣль двоякую: вопервыхъ,
Возжечь любовь угасшую Язона,
А вовторыхъ, испепелить мгновенно
Креона дочь.
Силія. — Мнѣ помнится, Медея
Сожгла свою соперницу не чарой,
Отравленной туникой?
Локуста. — Можетъ-быть.
Вопросъ не въ томъ: Сервилія погибнетъ....
Должна погибнуть.... такъ, или иначе...
Но вотъ вопросъ: помогутъ ли намъ чары
Валерія привесть къ твоимъ стопамъ?
Силія. — Ты, стало-быть, сама не вѣришь чарамъ?
Локуста. — Я вѣрю имъ.... но гдѣ же твой Валерій?
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стоики публично
Обвинены и судятся Сенатомъ,
Валерій скрылся : цѣлыхъ двѣ недѣли
О немъ нѣтъ слуху.... Не-уже-ли онъ,
Опора триба и поборникъ правды,
Бѣжалъ отъ страха и позорно кинулъ
Друзей, родныхъ, невѣсту молодую
И честь свою на произволъ судьбы?
Да и куда бѣжать отъ правосудья?
Силія. — Локуста! не обманывай меня:
Ты мнѣ сказать не хочешь, но Валерій....
Погибъ?
Локуста. — Клянусь, я ничего не знаю!
Не можетъ-быть, чтобъ онъ погибъ безвѣстно,
Въ какой-нибудь темницѣ потаенной:

Отъ Мессалины этого не скрыть,
А Мессалина и въ смиренной долѣ
Своихъ друзей отстаивала гласно;
Теперь же Мессалина.... но ты знаешь.

Силія. — Такъ гдѣ жь Валерій, ежели онъ живъ?

Локуста *(пожимаетъ плечами).* — Быть-можетъ, тайный недругъ...

Силія. — Замолчи!
Я выносить сомнѣнія не въ силахъ:
Расшевели утробу всей земли,
Не пощади ни чаръ, ни заклинаній,
И покажи Валерія живаго,
Иль тѣнь его!

Локуста. — Теперь я не могу,
Но завтра приготовлю все, что̀ нужно.
(За сценой слышенъ колокольчикъ).

Силія. — Кто это? посѣтитель?

Локуста. — Вѣроятно.

Силія. — Я не хочу, чтобъ здѣсь меня застали.
(набрасываетъ мантію и накрывается кукулемъ).

Локуста. — Не бойся, я давно распорядилась:
Тебя проводитъ вѣрная рабыня
Въ другую дверь. *(Отворяетъ дверь въ атріумъ).*

Силія. — До завтра?

Локуста. — Да, до завтра. *(Силія уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Локуста *одна.*

Локуста — О рѝмлянки! въ ребячьемъ вашемъ сердцѣ
Любовь и месть смѣняются чредою,
Какъ день и ночь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Локуста и Эгнатій *(приподнимаетъ уголъ занавѣса).*

Эгнатій *(вполголоса).* — Ушла твоя Дидона?

Локуста *(тихо).* — Ушла.

Эгнатій. — А все ли у тебя готово?

Локуста. — Не въ первый разъ... Однако же идутъ. *(Эгнатій опускаетъ занавѣсъ).*

(Дверь атріума отворяется; одна изъ невольницъ Локусты вводитъ Сервилію, закутанную съ ногъ до головы въ темную имплювіату [36]*. По знаку Локусты, невольница уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сервилія, Локуста.

Локуста. — Сервилія, привѣтствую тебя!
Я думала, что ты не согласишься
Прійдти ко мнѣ въ глухую ночь.
Сервилія. — Напрасно:
Моя душа полна одной печали
И для инаго чувства недоступна,
Тѣмъ болѣе для страха за себя.
Локуста. — Чѣмъ я могу служить тебѣ?
Сервилія. — Локуста,
Мое несчастье знаетъ цѣлый Римъ:
Отецъ мой обвиненъ и оклеветанъ;
Женихъ мой... гдѣ онъ, праведные боги?..
Узнать ихъ участь и поднять завѣсу
Грядущаго — вотъ для чего пришла
Къ Локустѣ дочь несчастнаго Сорана:
Не откажи помочь своимъ искусствомъ,
Сними съ очей гнетущую повязку
И дай прозрѣть мнѣ въ будущность отца
И моего Валерія... Локуста,
Ты можешь ли грядущее провидѣть?
Локуста. — Грядущее намъ вѣетъ изъ-подъ крылъ
Незримаго, неслышнаго Сатурна,
А кто изъ насъ полетъ его извѣдалъ?..
Но не хочу скрывать передъ тобою:
Я знаю средство... если согласишься...
Сервилія. — Что̀ бъ ни было, я напередъ согласна. *(Откидываетъ покрывало и снимаетъ съ шеи серебряный ковчежецъ).*
Вотъ здѣсь мои вѣнчальные уборы,
Алмазы, жемчугъ, геммы дорогія:
Прими ихъ за труды свои въ задатокъ. *(Отдаетъ ковчежецъ Локустѣ).*
Я продала приданое свое
И выручила семьдесятъ талантовъ:
Они твои, Локуста, если ты
Поможешь мнѣ и разгадаешь участь
Валерія и моего отца.
Локуста. — Но, знаешь ли, Сервилія, что я
Должна покой могилы потревожить

И вызвать тѣнь волшебницы Саганы?
Передъ ея безплотными очами
Минувшее сливается съ грядущимъ
Въ одинъ недвижный, настоящій мигъ...
Ты въ-силахъ ли снести безъ содроганья
Явленье тѣни?

Сервилія. — Ежели весь тартаръ
И смерть сама передо мной предстанутъ,
Я не содрогнусь.

Локуста. — Подожди меня:
Черезъ минуту я къ твоимъ услугамъ. *(Приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сервилія *одна.* — О, боги! укрѣпите робкій духъ
И волю слабой женщины: не праздность,
Не дерзость, не пустое любопытство,
А чувство и любовь повелѣваютъ
Мнѣ преступить запретные предѣлы
И тлѣнною рукою приподнять
Таинственный покровъ нетлѣнной жизни.

(Занавѣсъ отодвигается и открываетъ лабораторію Локусты, поднятую на двѣ ступени выше пріемной. На полкахъ и на столахъ видны въ полумракѣ разные сосуды и вазы; человѣческіе черепы и кости, скелеты животныхъ, металлическія полоски съ волшебными знаками и свитки папируса. На полу лежатъ мѣдный щитъ, груды лавровыхъ вѣтвей и ароматическихъ растеній. Въ одномъ углу магическая прялка съ колесомъ; въ другомъ углу — восковая фигура Гекаты, выкрашенная бѣлою, черною и красною краской; въ рукахъ у нея бичъ, лампада и мечъ, обвитый змѣею. Посрединѣ лабораторіи треножникъ съ пылающей жаровней. Локуста стоитъ съ волшебнымъ жезломъ подлѣ треножника).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Локуста, Сервилія.

Локуста *(подходитъ къ Сервиліи).* — Сервилія, хоть я убѣждена
Въ успѣхѣ чаръ (сегодня новолунье),
Но свой вопросъ я снова повторяю:
Согласна ль ты на вызовъ изъ Аида
Колдуньи?

Сервилія. — Да!

Локуста. — Ты этого желаешь:

Да будетъ такъ... *(Чертитъ жезломъ кругъ и вводитъ въ него Сервилію).*
Теперь позволь тебя
Предостеречь...
За этою чертою *(грозитъ Сервиліи).*
Я невластна. Не выходи изъ круга!..

(Идетъ къ треножнику и начинаетъ бросать въ огонь волшебныя снадобья, произнося шопотомъ невнятныя заклинанія. Надъ жаровней вспыхиваетъ синее пламя; въ воздухъ проносится жалобный звукъ).

Локуста *(возвышаетъ голосъ).* — Геката, Геката!
Я слышу, я знаю —
Ты близко, ты близко:
Привѣтствуютъ воемъ
Тебя въ новолунье
Сторожкіе псы.
Геката, Геката!
Я въ пламя бросаю
Главу василиска
И мирру съ алоемъ
И старой колдуньи
Сѣдые власы

(Надъ жаровней поднимается дымъ. Жалобный звукъ повторяется слышнѣе. Локуста беретъ мѣдный щитъ).

Символомъ созданья
И тайной природы
Тебя заклинаю,
Подземная сила:
Страшися, страшися
Таинственныхъ словъ!
Полна обаянья,
Я въ тартара своды
Щитомъ ударяю:
Раскройся могила!
Явися, явися,
Сагана на зовъ!

(Ударяетъ въ щитъ. Комната озаряется красноватымъ свѣтомъ; въ дыму появляется призракъ старухи.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Сервилія, Локуста, Призракъ.

Призракъ *(глухо).* — Кто вызывалъ меня?
Сервилія *(твердымъ голосомъ).* — Подземный призракъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, осмѣлилась нарушить
Могильный твой покой и умоляетъ
Ей на вопросъ сомнительный отвѣтить...
Отвѣтишь ли? *(Призракъ молчитъ).*
Отвѣтишь ли?
(Локуста повелительно протягиваетъ жезлъ).

Призракъ. — Спроси.

Сервилія. — Скажи мнѣ: гдѣ трибунъ Валерій Рустикъ,
Мой вѣрный другъ и дорогой женихъ?
Скажи еще: помилуетъ ли кесарь
И защититъ ли моего отца,
Неправо обвиненнаго въ измѣнѣ
Предателемъ и гнуснымъ лицемѣромъ?

Призракъ. — На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь. *(Исчезаетъ. Занавѣсъ задергивается.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Сервія *(одна)*. — Исчезла!... Охъ, какъ страшенъ міръ загробный!
Коснись меня она костлявымъ пальцемъ,
Иль просто погрози мнѣ — я упала бъ
Бездушнымъ трупомъ... Что она сказала?...
Юпитеръ, дай мнѣ силы до конца!
Я чувствую, что разумъ мой мутится... *(подходитъ къ аналогію и склоняетъ голову на руки).*
Да... вспомнила. Она мнѣ говорила:
«На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь»...
Кого же обвиняю я?...

Эгнатій *(выходитъ изъ-за занавѣса)*. — Меня.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Сервилія, Эгнатій.

Сервилія *(быстро оборачивается)*. — Эгнатій!

Эгнатій. — Я, Сервилія! Не бойся:
Я не врагомъ пришелъ къ тебѣ, а другомъ.

Сервилія. — Какое лицемѣріе! Ты смѣешь,
Ты не стыдишься называться другомъ?

Эгнатій. — Сервилія ! вопервыхъ, успокойся :
Весь этотъ вызовъ призрака нарочно
Придуманъ мной, а для чего — узнаешь.
Позволь мнѣ возвратить твои игрушки. *(Подаетъ ей ковчежецъ).*

Сервилія *(отступаетъ)*. — Я эти вещи отдала Локустѣ
И не хочу принять ихъ изъ руки
Предателя.

Эгнатій. — На это оскорбленье
Отвѣчу я, Сервилія, тебѣ
Современемъ. Покамѣстъ объясню,
Кто этотъ призракъ грознаго Аида. *(Кладетъ ковчежецъ на аналогій).*
Локуста мнѣ старинная знакомка...
Я зналъ, что ты къ ней явишься сегодня,
И вмѣстѣ съ нею приготовилъ шутку :
Невольница Локусты, Фортуната,
Съиграла роль волшебницы Саганы...
Прости меня за это испытанье.

Сервилія. — Скажи, Эгнатій, кто тебѣ далъ право
Такъ нагло издѣваться надъ несчастьемъ?
Оклеветать предъ Римомъ добродѣтель
И честь въ лицѣ сановника и старца,
Который былъ тебѣ вторымъ отцомъ,
Любилъ тебя, воспитывалъ, лелѣялъ,
Покрыть бѣдою голову сѣдую,
Убить печалью цѣлую семью —
Все это тяжкій грѣхъ и преступленье;
Но издѣваться надъ несчатьемъ — низость !

Эгнатій. — Весьма-велерѣчивые упреки !
Я, впрочемъ, былъ давно на нихъ готовъ...
Не знаю — ты готова ли прослушать
Мое признанье... Я предупреждаю,
Что буду долго говорить съ тобою
И что отъ этой будущей бесѣды
Зависитъ участь твоего отца.
Ты хочешь слушать ?

Сервилія. — Говори, Эгнатій,
Но не надѣйся хитрыми рѣчами
Прельстить меня : любовь моя къ отцу
И страсть моя къ Валерію, которой

Нѣтъ имени на языкѣ людей,
Замѣнятъ мнѣ и прозорливый разумъ,
И мужество, и волю. *(Садится).*

Эгнатій. — Мы увидимъ...
Начну съ того, что назову себя :
Передъ тобой, Сервилія, Эгнатій,
Отпущенникъ сенатора Сорана.
Въ другихъ словахъ : передъ тобою рабъ,
Отпущенный на волю господиномъ.
Ты — римлянка, и съ молокомъ всосала
Извѣстныя понятія о рабствѣ;
Но думала ль ты иногда о томъ,
Какъ грозный Римъ рабовъ пріобрѣтаетъ?
Я приведу тебѣ одинъ примѣръ :
Вообрази, что хмѣльная когорта,
Не слушаясь вождя, во время мира,
Предательски-нежданно, темной ночью,
Напала на германское селенье,
Зажгла его и грабитъ. Дикари,
Опомнившись отъ ужаса и сна,
Бросаются на грабящую шайку
Съ дубинами и копьями... Напрасно!
Ихъ слабое оружіе дробится
О шлемы и желѣзныя кольчуги,
И трупы ихъ валятся подъ мечами
На головни пылающихъ жилищъ.
Всѣ старики, старухи и младенцы,
Какъ лишній грузъ, безъ жалости убиты,
А молодыя жены и дѣвицы
И отроки отведены въ неволю.

Сервилія. — Зачѣмъ мнѣ знать объ ужасахъ войны?
За праваго поборниками боги,
Неправые страдаютъ за неправду.

Эгнатій. — Не смѣшивай войны и грабежа.
Я для того о немъ упоминаю,
Чтобъ перейдти къ себѣ...
Какъ медвѣжонокъ,
Похищенный ловцами изъ берлоги,
Я грызъ свои веревки и кусался,

Пока трехдневный голодъ не осилилъ
Моей природы... Насъ пригнали въ Римъ
И вывели на рынокъ, какъ животныхъ,
Въ ошейникахъ ; меня купилъ Соранъ,
И вотъ я въ вашемъ домѣ поселился
Невольникомъ и жалкимъ сиротою.

Сервилія. — Не клевещи ! ты въ домѣ нашемъ выросъ
Не такъ, какъ рабъ : тебя родитель мой
Не раздавилъ пятою, какъ змѣёнка,
А отогрѣлъ у сердца своего.

Эгнатій. — Но это сердце было мнѣ чужое !
Уже-ли снисходительность Сорана,
Заботы о моемъ образованьи,
Его вниманье, похвалы и ласки
Могли мнѣ все былое замѣнить ?
Среди любимыхъ умственныхъ занятій,
Среди трудовъ — сродниться съ языкомъ,
Съ законами, съ гражданской жизнью Рима,
Среди моихъ отчаянныхъ усилій
Проникнуть глубже въ тайники науки,
Моимъ очамъ нежданно появлялась
Минувшаго ужасная картина:
Ночной пожаръ родимаго селенья,
Отецъ мой, съ размозженной головою,
И мать моя, съ затянутою петлей...
Сервилія! въ подобныя минуты
Я сознавалъ, старался сознавать,
Что долженъ быть Сорану благодарнымъ;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, какъ сильно
Въ лицѣ его всѣхъ римлянъ ненавижу!

Сервилія. — Несправедливо мстить невиннымъ людямъ
За свой тяжелый жребій. Не участье,
Живой укоръ заслуживаетъ тотъ,
Кто жалокъ былъ и сдѣлался къ другому
Безжалостнымъ.

Эгнатій. — Позволь мнѣ продолжать.
Прейдя молчаньемъ глупые года,
Честимые поэтами за что-то
Весною жизни, приступаю прямо

Къ той неизбѣжно-роковой минутѣ,
Которая, позднѣе или раньше,
Перерождаетъ душу человѣка.
Я понялъ вдругъ, что въ жизни у меня
Есть цѣль, что я ее достигнуть долженъ,
Преодолѣвъ всѣ трудности пути,
И къ ней пошелъ... надежда засвѣтила
Мнѣ впереди звѣздою путеводной,
И жизнь моя осмыслилась...
Въ два года,
Примѣрнымъ хладнокровіемъ, трудами,
Лишеньями, прилежнымъ изученьемъ
Изгибовъ человѣческаго сердца,
Услугами, разсчитанною лестью,
Я пріобрѣлъ довѣренность Сорана,
Отпущенъ имъ на волю, получилъ
И званіе и тогу гражданина,
Введенъ былъ въ школу стоиковъ, сдружился
Со всѣми представителями школы,
Проникъ всѣ тайны, понялъ всѣ интриги
Двора Нерона, и увлекъ Тразею
И стоиковъ въ борьбу съ временщикомъ...
Все для чего? чтобы достигнуть цѣли!
А стоики — и первый твой отецъ
Мнѣ были бы естественной препоной.

Сервилія. — Не знаю я, чего ты достигаешь,
Но средства обнаруживаютъ ясно
Преступность цѣли.

Эгнатій. — Выводъ нелогиченъ:
Цѣль иногда оправдываетъ средства.
Но кончимъ... Участь твоего отца
И стоиковъ въ моихъ рукахъ и волѣ.
Ты поняла? Два слова Тигеллину —
И твой отецъ оправданъ.

Сервилія. — Поняла...
Но самого тебя не понимаю.

Эгнатій. — Сейчасъ поймешь... Я испыталъ тебя:
Та женщина, которая безстрашно
Идетъ къ Локустѣ и глядитъ въ глаза

Ночному привидѣнію, навѣрно
Не побоится пошлыхъ предразсудковъ,
Пожертвуетъ минутнымъ увлеченьемъ,
Оцѣнитъ твердость разума и воли
И постоянство истиннаго чувства.
Сервилія! ты можешь, если хочешь,
Спасти отца — твоимъ единымъ словомъ,
Движеньемъ брови, легкою улыбкой!

Сервилія. — Эгнатій, я готова... объяснися,
Скажи, чего ты требуешь?

Эгнатій *(падаетъ ей въ ноги).* — Любви!

Сервилія *(встаетъ, блѣдная, какъ мраморъ).* — Будь проклятъ день,
въ который ты родился!

Эгнатій *(простираетъ къ ней руки).* — Сервилія!.. Сервилія!..
два года,
Два вѣка мукъ терзаній и борьбы,
Люблю тебя, ревную, умираю
Отъ ревности, отчаянья и страсти!
Отецъ твой и Тразеа — это жертвы
На алтарѣ любви моей къ тебѣ...
Ты для меня — единая богиня,
Которой я и вѣрю, и молюся...
Взгляни, я слѣдъ ноги твоей цалую,
Челомъ во прахъ склоняюся и плачу! *(рыдаетъ, припавъ головой къ помосту).*

Сервилія. — Вотъ мой отвѣтъ, Эгнатій, и другаго
Ты отъ меня не жди: патриціанка,
Невѣста благороднаго трибуна
И любящая женщина не можетъ
У ногъ своихъ безъ омерзѣнья видѣть
Предателя и подлаго раба!

Эгнатій *(встаетъ).* — Такъ знай же, горделивая матрона:
Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!

Сервилія. — Ты лжешь, презрѣнный! Еслибы Валерій
Погибъ, мое недремлющее сердце
Расторглось бы на части!

Эгнатій. — Утѣшайся
Безсонницей и чуткостью сердца!..
Однакоже довольно пустословить...

Прослушай мой послѣдній приговоръ:
Я поклялся, что ты отсюда выйдешь
Моей женой, и не нарушу клятвы.

Сервилія. — Я прежде черепъ раздроблю о стѣны,
Чѣмъ до меня рука твоя коснется.

Эгнатій. — Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить...
Пойми, что̀ во власти у меня
И не питай надежды на спасенье:
Твой крикъ замретъ подъ сводами глухими,
А слухъ хозяйки дома и невольницъ
Мертвѣе камня. Люди не помогутъ,
А боги... пьютъ свой нектаръ на Олимпѣ.

Сервилія. — И громъ на богохульника готовятъ!

Эгнатій. — Эгнатій въ ихъ безсильный громъ не вѣритъ,
А вѣритъ въ умъ и волю человѣка.
Сервилія! я твердо убѣжденъ,
Что ты меня современемъ полюбишь:
Теперь ты къ этой мысли не привыкла,
Но дай пройдти минутному волненью...

Сервилія. — Чудовище!..

Эгнатій. — Я призову Локусту:
Она тебя въ уборную проводитъ.
При свѣтѣ лампъ, подъ звуки томной цитры,
Подъ сѣнью ароматною цвѣтовъ,
Ты просвѣтлѣешь мыслями и чувствомъ.
На нѣсколько мгновеній я оставлю
Тебя одну... Размысли хорошенько,
Одумайся, Сервилія! *(уходитъ за занавѣсъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Сервилія *(тушитъ лампу и подбѣгаетъ къ дверямъ атріума).* — О боги!
Все заперто...
Послѣдняя надежда! *(рыдаетъ)*
Валерій мой! безцѣнный мой Валерій!
Прости навѣкъ... Еще одно мгновенье —
И смерть меня избавитъ отъ позора. *(Ломаетъ себѣ руки).*

Но гдѣ же вы, всевидящіе боги?
Спасите! васъ несчастье умоляетъ:
Спасите отъ погибели...
Да нѣтъ! *(отчаянно)*
Вы слѣпы, глухи! *(Дверь налѣво тихо отворяется; изъ нея выходитъ Неволея въ бѣлой одеждѣ, съ факеломъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Сервилія и Неволея.

Неволея *(подходитъ къ Сервиліи)*. — Не зови боговъ,
Сестра моя Сервилія!
Сервилія. — Кто ты?
Неволея. — Невольница Локусты, Неволея,
Сестра твоя о Господѣ.
Сервилія. — Сестра?..
Откуда ты? зачѣмъ сюда пришла?
Неволея. — Пришла спасти тебя, во имя Бога
И нашего Спасителя Христа.
Сервилія. — Ты христіанка?
Неволея. — Я оглашена
И омываю горькими слезами
Мои грѣхи... *(указываетъ на дверь)*.
За этой тайной дверью
Есть тайный ходъ подземный въ катакомбы:
Пойдемъ со мной! пойдемъ скорѣе... чу! *(За занавѣсомъ слышны скрипъ двери и шаги)*.
Сервилія. — Веди меня!..
Тебѣ, Богъ христіанскій,
Сервилія судьбу свою вручаетъ! *(Уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Капище Венеры ([37]). — *Посредиѣ задней стѣны восьмиколонное преддверье капища съ рѣшетчатыми створами. Направо арка въ смежный притворъ кумирни; налѣво, противъ арки, колоссальный истуканъ Венеры. У подножья статуи трехступенная эстрада и на ней сѣдалища кесаря и двухъ консуловъ; у нижней ступеньки эстрады курульный стулъ претора и скамья трибуновъ; по бокамъ разставлены полукругомъ скамьи съ приступками для сенаторовъ. Эстрада и скамьи ограждены раздвижными перилами и крыты пурпуромъ. Въ лѣвомъ углу, за перилами, столъ для писцовъ. Посредиѣ сцены жертвенникъ. За сценой слышенъ гулъ толпы.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Консулы Кай Светоній и Люцій Телезинъ, сенаторы, преторъ, два трибуна и писцы стоятъ у своихъ мѣстъ, квесторъ за сѣдалищемъ Кесаря, глашатай за преторскимъ стуломъ, Сабинъ Осторій у скамьи трибуновъ; ликторы размѣщены съ двухъ сторонъ передъ перилами; жрецъ.

Жрецъ *(подходитъ къ жертвеннику).* — Да будутъ мнѣ свидѣтелями боги!
Ни птицъ полетъ, ни внутренности жертвы
Не предвѣщаютъ ничего худаго,
И трибуналъ имѣетъ приступить
Къ рѣшенью дѣлъ и всякимъ разсужденьямъ. *(Присутствующіе садятся, за исключеніемъ квестора, глашатая, Сабина Осторія и ликторовъ. Жрецъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, кромѣ жреца.

Преторъ *(встаетъ).* — Для славы и для счастія особы
Божественнаго кесаря Нерона,
И, слѣдственно, для счастія и славы
Богами охраняемаго Рима,
Нашъ трибуналъ откроетъ засѣданье
Прочтеніемъ проекта нашихъ дѣйствій
Къ искорененью стоицизма. *(Развертываетъ свитокъ и читаетъ),*
«Primo:

За присужденьемъ къ вѣчному изгнанью
Сенаторовъ: Гельвидія, Монтана,
Паконія ([38]) и Сенція Торквата,
Собранье наше полагаетъ: вызвать
Тразею и Сорана, уличенныхъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима.
По вызовѣ жь виновныхъ, не стѣсняясь
Неявкою очередныхъ трибуновъ,
А именно: Валерія, трибуна
Тринадцатаго триба, прочитать
Сенаторамъ Тразеѣ и Сорану
Примѣрное рѣшенье трибунала,
Которое затѣмъ благоговѣйно
Препроводить на судъ и усмотрѣнье
Божественнаго кесаря Нерона».

К. Свентоній. — Ты пригласилъ виновныхъ, преторъ?

Преторъ. — Да.

К. Свентоній. — Явилися?

Преторъ. — Явилися.

К. Светоній. — Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай *(подходитъ къ периламъ)*. — Благоволятъ граждане
Сенаторы Тразеа и Соранъ
Предъ трибуналъ явиться!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же, Тразеа и Соранъ *выходятъ изъ-подъ арки и останавливаются передъ перилами.*

К. Светоній. — Трибуналъ
Васъ пригласилъ, сенаторы-граждане,
Затѣмъ, чтобъ вамъ прочесть свое рѣшенье
И дать возможность строгость приговора
Смягчить сознаньемъ вашего проступка.

Л. Телезинъ. — Что̀ скажетъ въ оправданіе Тразеа?

Тразеа. — Тразеа почитаетъ униженьемъ
Отвѣтствовать на ложь и клевету.

Л. Телезинъ. — Ты трибуналу отвѣчать обязанъ.

Тразеа. — Я отвѣчать обязанъ высшей силѣ
И кесарю, а кесарь знаетъ все:

Я самъ ему признался откровенно
Въ моихъ поступкахъ, въ правилахъ, въ понятьяхъ,
Въ моихъ рѣчахъ и даже въ помышленьяхъ.
До полученья отъ него отвѣта,
Я буду глухъ и нѣмъ на всѣ вопросы.

К. Светоній. — Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ
Въ Кампаніи.

Тразеа. — Но я ему писалъ.

Л. Телезинъ. — Однако же позволь тебѣ замѣтить,
Что кесарь самъ назначилъ трибуналъ,
И мы, по предоставленной намъ власти,
Тебя осудимъ, если ты теперь же
Намъ не представишь ясныхъ доказательствъ
Невинности своей и правоты.

Тразеа. — Я не могу и не хочу стѣснять
Законныхъ вашихъ дѣйствій : вы въ нихъ властны,
Какъ я въ своихъ... Но если трибуналу
Отвѣтъ Тразеи нуженъ непремѣнно,
Вы можете на память записать,
Что я, Тразеа, всей моей душою,
Всѣмъ сердцемъ презираю Тигеллина,
Который ложно говорилъ устами
Усердныхъ обвинителей моихъ.

К. Светоній. — Нашъ трибуналъ не изъ дѣтей составленъ :
Онъ различитъ, что̀ истинно, что̀ ложно.

Тразеа. — Послушайте, сенаторы и судьи
И консулы, ты, Люцій Телезинъ,
И ты, Светоній ! Правый человѣкъ
Погибнуть можетъ : правда не погибнетъ !..
Вы слышете народный шумъ и крики ?
То голоса̀ молвы тысячеустой,
Которая потомству передастъ
И вашъ позоръ, и судъ лицепріятный,
И имена смиренныя страдальцевъ,
Несправедливо обвиненныхъ вами...

Л. Телезинъ. — Довольно ! Это гордое упорство
Сочтется, при рѣшеніи суда,
За новую улику.

Тразеа. — Превосходно !
Я подожду правдиваго рѣшенья.

К. Светоній (*Сорану*). — Соранъ, тебѣ грозитъ еще одно
И важное, по смыслу, обвиненье.
Твой обвинитель — этотъ римскій всадникъ,
Сабинъ Осторій... Знаешь ли его?
Соранъ. — Я видывалъ Осторія, во время
Азійскаго проконсульства, въ Пергамѣ:
Онъ помогалъ корыстному Акрату
Отнять обманомъ у пергамскихъ гра̀жданъ
Картины ихъ и ста̀туи.
С. Осторій. — А ты,
Ты помогалъ насилью этихъ гражданъ,
Которые Акрата оскорбили,
Хотя Акра̀тъ — отпущенникъ Нерона,
Ты, римлянинъ, сенаторъ и проконсулъ,
Гоняясь за любовью чужеземцевъ,
Поддерживалъ мятежническій духъ
Племенъ азійскихъ... Кто тебѣ былъ другомъ?
Рубеллій Плавтъ, который осужденъ
Сенатомъ за измѣну противъ Рима!
Соранъ. — Я дружбою Рубеллія гордился
Такъ точно, какъ горжуся справедливо
Любовію и дружбою Тразеи.
Тразея. — Благодарю... У нашихъ римлянъ есть
Пословица, что путнику въ дорогѣ
Веселый другъ нужнѣе колесницы;
Но я скажу: на жизненномъ пути
Надежный другъ всего необходимѣй.
С. Осторій. — Отцы и судьи! собственнымъ сознаньемъ
Въ своихъ сзязяхъ съ преступными людьми
Соранъ мои укоры подтверждаетъ:
Мнѣ кажется, другихъ уликъ ненужно...
Но вы еще не знаете, ка̀къ гнусны
И какъ преступны умыслы Сорана:
Охотой ставъ подъ знамя стоицизма
И обвиненный наравнѣ съ другими,
Соранъ дерзнулъ прибѣгнуть къ заклинаньямъ
Подземныхъ силъ и призывать на помощь
Жильцовъ могилы.
Соранъ. — Это клевета.
С. Осторій. — Пусть преторъ поступаетъ по закону.

Преторъ. — Благоволитъ прослушать трибуналъ
Второй параграфъ нашего проекта *(читаетъ)*.
«*Secundo :* Пригласить предъ трибуналъ
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію».

Л. Телезинъ. — Приглашена ?

Преторъ. — Явилась.

Сoранъ. — Я узнаю правдивый римскій судъ :
Онъ не щадитъ ни возраста, ни пола.

Тразеа. — Квириты судятъ безпомощныхъ женщинъ,
Должно-быть, по предчувствію, что скоро
Самихъ ихъ тѣ же женщины осудятъ.

Л. Телезинъ. — Нашъ трибуналъ, законами и волей
Божественнаго кесаря Нерона,
Поставленъ выше всякихъ порицаній,
И не тебѣ судить его...
Глашатай,
Исполни долгъ !

Глашатай *(громко)*. — Благоволитъ гражданка,
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, предъ трибуналъ явиться.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Сервилія. *(На ней длинная туника изъ грубой ткани ; покрывало совершенно скрываетъ ея станъ и лицо. Сервилія медленно проходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается)*.

Сoранъ. — О бѣдное, о бѣдное дитя !

Тразеа *(тихо)*. — Сервилія, друзья твои не дремлютъ.

К. Светоній. — Мы, консулы и судьи, пригласили
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, затѣмъ, чтобы спросить :
Давно ль и какъ знакомъ съ ней римскій всадникъ
Сабинъ Осторій ?

Сервилія *(тихо)*. — Я его не знаю.

С. Осторій. — Неправда ! ты меня встрѣчала часто
На форумѣ, на улицахъ и въ храмахъ.

Сервилія *(взглядываетъ на Осторія)*. — Быть-можетъ, ты со мною и встрѣчался,
Но я тебя ни разу не видала.

С. Осторій. — Должно-быть, ты лицо мое забыла...
Припомни, какъ кормилица твоя
Ходила продавать твои наряды
Въ ту лавку?.. знаешь?..
Сервилія. — Знаю, что мнѣ стыдно
И за тебя, и за твои слова.
Л. Телезинъ. — Здѣсь трибуналъ: предъ ликомъ правосудья
Не существуетъ ложнаго стыда.
С. Осторій. — Позволь спросить: зачѣмъ ты приказала
Продать свое приданое? *(Сервилія молчитъ).*
Зачѣмъ?
Сервилія. — Уже-ли трибуналъ не запрещаетъ
Такихъ вопросовъ?
С. Осторій. — Ты на нихъ не хочешь,
А правильнѣй, боишься отвѣчать.
Я помогу тебѣ и самъ отвѣчу:
Ты продала приданое затѣмъ,
Чтобъ, выручивъ значительную сумму,
Снести ее волшебникамъ и магамъ. *(Указываетъ на Сорана).*
По наущенью своего отца,
Ты къ нимъ ходила, совершала чары
И вызывала съ ними изъ Аида
Боговъ подземныхъ... можетъ-быть, на гибель
Сената и народа!.. Признавайся:
Зачѣмъ ты имя кесаря не разъ
Во время заклинаній поминала?
А! ты молчишь, блѣднѣешь?..
Я сказалъ. — *(Сервилія складываетъ руки, становится на колѣни и плачетъ, закрывшись покрываломъ).*
К. Светоній. — Сервилія, ты можешь оправдаться? *(Молчаніе).*
Мы ждемъ отвѣта...
Сервилія *(встаетъ).* — Консулы и судьи!
Нѣтъ, я боговъ подземныхъ не звала [39]
И гибели ни чьей не замышляла.
Молилась я единственно о томъ,
Чтобъ кесарь нашъ, по благости душевной,
Помиловалъ любезнаго отца.
Я къ магамъ не ходила, а ходила
Къ... гадальщицѣ, и точно отнесла
Ей всѣ мои вѣнчальные уборы.

Проси она души моей и жизни —
Повѣрьте, я ихъ бы отдала.
Ужель за эту женщину я буду,
Какъ за себя, отвѣтствовать закону?
Я прежде съ нею не была знакома:
Слыхала только объ ея искусствѣ,
Но тайнъ искусства этого не знала.
Сама же я о кесарѣ иначе,
Какъ о богахъ, нигдѣ нѣ говорила.
Но если я виновна, осудите
Меня одну: несчастный мой родитель
Не вѣдалъ даже о моемъ проступкѣ...

Соранъ. — Сервилія, не трать сердечныхъ словъ!
Благоволите, консулы и судьи,
Прослушавъ дочь, прослушать и отца.
Вы дочь мою, Сервилію, призвали,
Какъ жалкую преступницу, къ отвѣту;
Но въ чемъ она преступна и виновна?
Она со мной въ Пергамѣ не была
И Плавта не знавала. Отношенья
Мои къ Тразеѣ и другимъ особамъ,
Которыя обвинены со мною,
Ей были вовсе чужды. Не-уже-ли
Вы можете вмѣнить ей въ преступленье
Дочернюю привязанность и нѣжность?
Прошу васъ отдѣлить судьбу отца
Отъ участи невиннаго ребенка —
И жребій мой, каковъ бы ни былъ онъ,
Покажется мнѣ сладостнымъ.

Сервилія (*простираетъ къ нему руки*). — Родитель!

Соранъ. — Сервилія! (*Они хотятъ броситься другъ къ другу въ объятія: ликторы ихъ разлучаютъ*).

Л. Телезинъ. — Соранъ, предъ трибуналомъ
Нѣтъ ни отца, ни дочери, а есть
Сообщникъ и сообщница.

Преторъ. — Не время ль
Позвать теперь свидѣтелей? По списку
Важнѣе всѣхъ отпущенникъ Эгнатій...

К. Светоній. — Явился онъ на вызовъ?

Преторъ. — Да.

К. Светоній. — Глашатай,
Исполни долгъ!
Глашатай *(громко)*. — Отпущенникъ Эгнатій!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Эгнатій *(подходитъ къ жертвеннику. Соранъ наклоняетъ голову; Тразеа презрительно смотритъ на Эгнатія)*.

Л. Телезинъ. — Эгнатій, ты обязанъ намъ поклясться
Юпитеромъ, что скажешь трибуналу
Всю истину.
Эгнатій *(кладетъ руку на жертвенникъ)*. — Клянуся!
Телезинъ. — Подойди
И объясни, что знаешь, откровенно.
Эгнатій *(подходитъ къ эстрадѣ)*. — Свидѣтельство мое не многословно.
Я снова просмотрѣлъ ихъ протоколъ
И свѣрилъ съ черновою: онъ исправенъ *(подаетъ претору свитокъ)*.
Хотя здѣсь говорится о префектѣ
Преторіанцевъ и о тѣхъ доносахъ,
Которые терзаютъ гражданъ, но...
Я самъ составилъ этотъ протоколъ
И знаю твердо стоиковъ: конечно,
Они не ждали легкихъ обвиненій
И будутъ рады, если ихъ осудятъ,
Какъ безпокойныхъ и зловредныхъ гражданъ,
Которымъ слѣдуетъ пресѣчь всѣ средства
Къ развитію химерныхъ ихъ идей.
Чѣмъ ни рѣшилъ бы трибуналъ ихъ участь,
Рѣшенье будетъ крайне-благосклонно:
Они со мною сами согласятся
И, вѣрно, мнѣ не будутъ прекословить.
Л. Телезинъ. — Соранъ, ты слышишь? *(Соранъ не поднимаетъ головы)*.
Тразеа. — Именитый консулъ!
Онъ слышитъ... *Ты* не видишь, что презрѣнье
И скорбь уста Сорана заграждаютъ. *(Указываетъ на Эгнатія)*.
Взгляните: этотъ низкій обвинитель,
Когда-то плѣнный сирота-ребенокъ,
Безъ языка и образа людскаго,
Сораномъ поднятъ былъ изъ состраданья

И снятъ съ мостковъ на грязномъ рабскомъ рынкѣ.
Не годъ, не два, десятки лѣтъ Соранъ
Его растилъ, какъ дорогаго сына,
Образовалъ и отпустилъ на волю,
И даже въ завѣщаньи отказалъ
Немалое богатство... Вотъ награда! *(Между сенаторами поднимается ропотъ; на нѣсколькихъ лицахъ выражается участіе).*
Вскормите звѣря дикаго — и тотъ
Вамъ будетъ преданъ...

Эгнатій. — Перестань, Тразеа!
Твои слова всѣ клонятся къ тому,
Чтобъ объяснить молчаніе Сорана
Презрѣніемъ... Зачѣмъ же *ты* молчишь?

Тразеа. — Я не молчу.

Эгнатій. — Но замолчишь, Тразеа,
Когда я буду говорить о цѣли
Твоихъ собратій.

Тразеа. — Новаго не скажешь!
Все знаетъ кесарь : я ему писалъ.

Эгнатій. — И ты такъ легковѣренъ?.. *(За сценой шумъ. Слышны голоса:)*
Преторъ! преторъ!
Свидѣтелей къ тебѣ не допускаютъ!
Вели открыть рѣшотку!

Преторъ *(ликторамъ)*. — Отворите! *(Ликторы отворяютъ рѣшотку).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Ф. Аферъ, Посидесъ, Мелла.

(Сквозь отворенную рѣшотку видна часть форума, покрытая густою массою народа. Передняя толпа взбирается на ступеньки храмовой лѣстницы, сталкиваетъ стоящихъ на ней преторіанцевъ и тѣснится у дверей капища. Въ первомъ ряду Велоксъ и Цестъ).

Преторъ *(вошедшимъ)*. — Кто вы такіе?

Ф. Аферъ. — Римскіе граждане:
Фульциній Аферъ, Посидесъ и Мелла.

Преторъ. — Зачѣмъ же вы явились въ трибуналъ?

Посидесъ. — Мы избраны валеріевымъ трибомъ
Просить тебя.

Преторъ. — О чемъ?

Мелла. — Позволь намъ, преторъ,

Прослушать, за отсутствіемъ трибуна,
Рѣшенье трибунала.

Преторъ (*послѣ нѣсколькихъ словъ съ консулами*). — Позволяю. (*Ликторамъ тихо*).

Но затворить рѣшотку.

Одинъ изъ ликторовъ (*тихо*). — Невозможно!

Посидесъ. — Съ тѣмъ вмѣстѣ, преторъ, ты насъ допусти
Въ свидѣтели.

Преторъ. — Чего же вы хотите?

Посидесъ. — Хотимъ тебя увѣрить, что невѣста
Трибуна нашего Валерія — права,
А вы... то-есть, не всѣ вы... виноваты.

Преторъ. — Вы объяснитесь...

Голосъ изъ толпы. — Аферъ, говори!

Ф. Аферъ. — Пресвѣтлый, правосудный трибуналъ!
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія обвинена неправо. (*Консулы и сенаторы начинаютъ шептаться. Преторъ торопливо пишетъ; Игнатій подходитъ къ нему и говоритъ на ухо. Изъ-подъ арки, одинъ за другимъ, выходятъ вооруженные преторіанцы и становятся вдоль стѣнъ капища*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и преторіанцы.

Аферъ (*продолжаетъ*). — Сервилія обманута Локустой,
Которая, заранѣй сговорившись
Съ предателемъ Игнатіемъ, успѣла
Завлечь ее въ свой тартаръ обѣщаньемъ
Открыть предъ нею будущность Сорана.
Вы можете порядкомъ допросить
Невольницу Локусты, Фортунату. (*Указываетъ на С. Осторія*).
Вотъ этотъ старый всадникъ былъ подкупленъ,
Черезъ Локусту, Спліей, вдовою
Сенатора Антистія: спросите
Ея невольницъ.
А волшебнымъ чарамъ
Сервилія ни мало не причастна,
И вообще мы клятвой утверждаемъ,
Что нѣтъ ея невиннѣй въ цѣломъ Римѣ,
И что она достойна быть супругой
Такого молодца и гражданина,
Какъ нашъ трибунъ Валерій. Кто не вѣритъ,

Тотъ нéдругъ намъ и трибу.
Я сказалъ. *(Оборачивается къ Сервиліи и кланяется).*
Сервилія *(откидываетъ покрывало).* — Благодарю тебя, Фульциній Аферъ,
Не за себя, за твоего трибуна,
За память о душѣ его безцѣнной. *(Опускаетъ покрывало и плачетъ).*
Соранъ *(Фульцинію Аферу).* — Отецъ за дочь тебя благодаритъ.
Тразеа. — А я за Римъ.
Посидесъ. — Скажи еще имъ, Аферъ,
Что у такихъ хорошихъ дочерей
Худыхъ отцовъ навѣрно не бываетъ.
Мелла. — А у отцовъ хорошихъ и друзья
Должны быть также нехудые, Аферъ! *(Сенаторы выражаютъ свое неудовольствіе ропотомъ).*
Нѣсколько голосовъ:
Что это значитъ, преторъ?
Здѣсь не форумъ!
Свидѣтели съ какихъ-то перекрестковъ!
Гдѣ ихъ улики? Какъ ихъ допускать
Къ присягѣ? *Plebs!* туничники!
Ф. Аферъ *(спокойно).* — Законы
Не дозволяютъ гражданъ оскорблять,
А ограждаютъ ихъ права и личность.
Мы требуемъ, чтобъ вы насъ допустили
Къ свидѣтельству и достодолжной клятвѣ.
Л. Телезинъ. — Свидѣтели, отъ васъ не отнимаютъ
Законныхъ правъ: вы можете явиться
Въ другое время. Наше засѣданье
Кончается, и преторъ прочитаетъ
Примѣрное рѣшенье трибунала.
Преторъ *(встаетъ и скидаетъ съ себя претексту).* — Благоволятъ отцы и судьи слушать! *(читаетъ):*
«Единогласнымъ мнѣніемъ, скрѣпленнымъ
Печатями и подписію общей,
Всѣ члены трибунала положили:
Сенаторовъ Тразею и Сорана,
Безспорно уличенныхъ трибуналомъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима,
Лишить публично римскаго гражданства
И осудить на вѣчное изгнанье;

Имущество виновныхъ распродать,
И, воспретивши имъ огонь и воду,
А вмѣстѣ съ тѣмъ отнявъ у нихъ права
На собственность во всѣхъ владѣньяхъ Рима,
Оставить имъ безпрекословно право:
Все отчуждать въ общественную пользу,
Хотя бы даже самую ихъ жизнь.
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, по молодости лѣтъ
И по сомнѣнью въ важности проступка,
Отдать, для испытанья, на поруки
Такому-то...»
Здѣсь слѣдуютъ назвать
Кого-нибудь... Положимъ, что... Эгнатій... *(вписываетъ)*
Теперь намъ остается подписать,
Такъ-какъ трибуны римскаго народа
Согласны и не произносятъ...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Валерій *появляется въ преддверіи капища.*

Валерій. — Veto! (40)

Нѣсколько голосовъ. — Валерій!! *(Изъ груди Сервиліи вырывается страшный крикъ; она шатается и падаетъ на руки подоспѣвшаго Сорана).*

Эгнатій. — Живъ?.. Смертельный врагъ мой живъ!
А я, безумецъ, вѣрилъ въ силу воли!
Проклятье! *(рветъ на себѣ волосы).*

Валерій. — Властью римскаго трибуна,
Я закрываю засѣданье.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Тигеллинъ.

Тигеллинъ *(подходя къ Валерію)*. — Что-о?!
Трибунъ? трибунъ при кесарѣ Неронѣ!
Трибунъ и véto?!

Преторъ. — Мы не позволяемъ.
Валерій не являлся въ засѣданье,
И потому теряетъ въ этомъ дѣлѣ
Права трибуна.

Валерій. — Консулы и судьи!
Я вамъ привезъ отъ кесаря посланье *(подаетъ свитокъ Л. Телезину, который передаетъ его квестору).*
Тигеллинъ. — Отъ кесаря?
Эгнатій *(тихо).* — А!.. это Мессалина!
Преторъ. — Я требую вниманія!
(Всѣ встаютъ; глубокая тишина.)
Квесторъ *(читаетъ).* — «Отцы-
Сенаторы! Трибунъ Валерій Рустикъ
Все это время былъ удержанъ мною
Для пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ:
Прошу считать на прежнемъ основаньи
Его моимъ очереднымъ трибуномъ.
Календы мая. Кесарь Нѣронъ-Августъ.»
Валерій. — При этомъ кесарь далъ мнѣ повелѣнье
Увѣдомить сенаторовъ и судій,
Что завтра утромъ онъ прибудетъ въ Римъ.
Народъ. — Да́ здравствуетъ божественный нашъ кесарь!
Да̀ здравствуетъ божественный нашъ кесарь!
Преторъ. — Собранье наше кончено... Отцы-
Сенаторы! мы можемъ удалиться.
(Присутствующіе сходятъ съ мѣстъ. Консулы, преторъ, нѣсколько сенаторовъ, квесторъ, глашатай, писцы и ликторы уходятъ одни за другими· Валерія окружаетъ толпа. Кліенты цалуютъ полы его тоги).
Эгнатій *(Тигеллину).* — Не выпускай Валерія изъ храма;
Вели убить!
(Тигеллинъ молча указываетъ на толпу, пожимаетъ плечами и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, кромѣ вышедшихъ.

Эгнатій *(глядитъ вслѣдъ Тигеллину).* — Не хочешь?..
Такъ я самъ...
Пусть разорветъ толпа меня на части,
Я не одинъ погибну: все-же легче! *(садится на скамью).*
Валерій *(пожимаетъ руки нѣкоторымъ изъ окружающихъ его).* —
Теперь я вашъ, друзья мои!
(Подходитъ къ Тразеѣ, обнимаетъ и цалуетъ его).
Тразеа!
(ищетъ глазами Сорана и, увидѣвъ Сервилію, вскрикиваетъ:)
Сервилія! *(Бросается къ Сервиліи).*
Сервилія! ты здѣсь!

Сервилія *(слабымъ голосомъ)*. — Валерій!.. ты... не подходи ко мнѣ!
Я такъ слаба... не подходи ко мнѣ!
Валерій *(останавливается)*. —
Сервилія, да что съ тобой?.. твой голосъ,
Твои глаза...
Сервилія. — На нихъ печать могилы.
Валерій. — Сервилія!.. зачѣмъ меня пугать?
Сервилія *(Сорану)*. — Пусти, отецъ!.. мнѣ легче. . *(выпрямляется)*.
Милый другъ!
Я чувствую, во мнѣ достанетъ силы
Все разсказать... Меня сейчасъ судили.
Валерій. — Тебя? судили?
Сервилія. — Да... за колдовство.
Я о тебѣ и о моемъ отцѣ
Пошла гадать... Нашлися злые люди
И мнѣ въ вину поставили гаданье...
Но гдѣ жь ты былъ, мой дорогой Валерій?
Валерій. — У кесаря. Условіемъ спасенья
Отца, Тразеи, всѣхъ насъ было то,
Чтобъ я не смѣлъ показываться въ Римѣ
И вѣсти не давалъ вамъ о себѣ.
Быть-можетъ, это было испытанье?
Сервилія. — А я, Валерій, думала, что мы
Не встрѣтимся съ тобой на этомъ свѣтѣ.
Меня враги увѣрили... сказали :
«Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!»
Я плакала, я плакала такъ долго,
Молилася, молилась такъ усердно,
Что наконецъ Господь меня утѣшилъ.
Валерій. — Сервилія! ты очень-нездорова...
Тебѣ покой и сонъ необходимы,
А здѣсь такое множество народа.
Соранъ. — Дитя мое! уйдемъ скорѣй отсюда :
Ты отдохнешь подъ кровлею родною.
Сервилія. — Я отдохну, но подъ другою кровлей...
Валерій! обѣщай исполнить волю
И просьбу умирающей : клянися
Не мстить моимъ заблудшимся врагамъ,

Клянись не предаваться малодушью,
Отчаянью....

Валерій. — Сервилія!..

Сервилія. — Клянися!

Валерій. — Клянусь тебѣ, Сервилія!

Сервилія. — Послушай!

(Беретъ его за руку и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).

Эгнатій *(встаетъ со скамьи).* — Она его сама ко мнѣ подводитъ..

Пойдемъ на встрѣчу молодой четѣ!

Сервилія *(останавливается).* — Валерій!

(Голосъ ея звучно раздается подъ сводами капища. Толпа тѣснится внимательнымъ кружкомъ. Эгнатій становится за Валеріемъ).

Я прозрѣла въ новый міръ,
Узнала силу чудной благодати
И поняла душою просвѣтленной,
Что наша человѣческая мудрость,
Поэзія, искусство и наука,
И наши боги — эти идеалы
Юдольныхъ добродѣтелей и истинъ —
Не болѣе, какъ тѣни отъ пылинокъ
Предъ вѣчнымъ солнцемъ правды и любви...
Я — христіанка!

(Валерій вздрагиваетъ. Толпа съ ропотомъ отступаетъ).

Эгнатій *(радостно).* — А! моя звѣзда,
Ты не угасла!

Сервилія. — Да, я христіанка,
Но имени Христова недостойна...
Простясь съ тобою мысленно навѣки,
Я, у святаго алтаря Господня,
Произнесла обѣты: посвятить
Себя на службу Богу и отречься
Отъ радостей земныхъ и отъ любви.
Когда жь тебя я снова увидала,
Изъ моего болѣзненнаго сердца
Рванулся вопль, такой ужасный вопль,
Что струны жизни разомъ порвалися...
Теперь звучитъ послѣдняя струна,
И та слабѣетъ...
Милый мой Валерій!

Сервилія, поклонница кумировъ,
Тебя любила сердцемъ; христіанка
Тебя душой своей безплотной любитъ...
Увѣруй, обратися ко Христу —
И мы съ тобою въ небѣ съединимся! *(Голосъ ея слабѣетъ съ каждымъ словомъ).*
Я знаю... ты увѣруешь... и скоро...
Найди того, котораго недавно
Ты защитилъ отъ ярости народа:
Онъ защититъ тебя отъ искушенья
И отъ духовной гибели спасетъ,
Какъ спасъ меня и многихъ грѣшныхъ братій...
Теперь земное кончено.
Валерій,
Простись съ твоей Сервиліей... Отецъ... *(шатается. Валерій и Соранъ ее поддерживаютъ.)*
Дай руку... гдѣ ты... гдѣ ты, мой Валерій?...

Валерій. — Здѣсь, здѣсь, мой другъ! у сердца твоего!

Эгнатій. — Съ ней обморокъ! Врача сюда скорѣе!

Сервилія *(шопотомъ)*. — Прости меня, Небесный Искупитель!
Какъ я прощаю... злѣйшаго врага...

Валерій. — Сервилія!... Сервилія!... Я вѣрю,
Съ тобою вмѣстѣ вѣрю...

Соранъ. — Не зови:
Сервилія насъ больше не услышитъ!

Валерій. — Меня услышитъ! *(выхватываетъ изъ-подъ тоги ножъ).*

Тразеа *(останавливаетъ руку Валерія)*. — Клятвы не забудь!
Гдѣ духъ ея, туда не долетитъ
Душа самоубійцы. *(Валерій закрываетъ лицо руками и плачетъ).*

Эгнатій *(подходитъ ближе и смотритъ на трупъ Сервиліи)*. — Умерла...
Враговъ... меня простила, умирая... *(раздираетъ на себѣ одежду).*
О, горе мнѣ! Есть Всемогущій Богъ,
Есть неумытный Судія на небѣ,
Защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Историческое содержаніе моей драмы требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ о стоицизмѣ вообще и объ укорененіи его въ Римѣ. Въ древнихъ Аѳинахъ, галерея, открытая сверху и украшенная картинами, называлась *Стоа*. Философъ Зенонъ обратилъ такую галерею въ свою аудиторію, и основанная имъ (1) философская школа получила названіе *стоической*. Современникъ Эпикура, вскормленный идеями послѣдователей Сократа, циниковъ и академиковъ, Зенонъ противопоставилъ скептицизму ученіе, опирающееся на нравственныхъ основаніяхъ (2). Не распространяясь объ ученіи Зенона, скажемъ, что наука служила ему путемъ для достиженія мудрости; мудрость заключалась въ познаніи божества и людей, а примѣненная къ жизни, порождала добродѣтель. Добродѣтель, по понятіямъ Зенона, есть истая гармонія человѣка съ самимъ собою; она достигается владычествомъ надъ страстями, предполагаетъ въ человѣкѣ высшее внутреннее спокойствіе и изящество въ наслажденіяхъ; она не дѣлаетъ мудреца безчувственнымъ, но облекаетъ его несокрушимой броней и даетъ духу полную власть надъ тѣломъ, допускающую даже лишеніе себя жизни. Самопожертвованіе, или самолишеніе, Зенонъ считаетъ главною добродѣтелью, а порокомъ признаетъ такія человѣческія дѣйствія, которыя противорѣчатъ природѣ дѣйствующаго лица. Зенонъ и его ученикъ, Клеанѳъ Ассосскій, сами лишили себя жизни въ глубокой старости. Клеанѳъ подраздѣлилъ стоическую философію на діалектику, реторику, этику, политику, физику и теологію. Послѣдователь Клеанѳа, Хризиппъ Солійскій (3), приводитъ въ своей физикѣ явные доводы того, что вліяніе судьбы или необходимыхъ соотношеній между предметами не можетъ стѣснять ни божественнаго промысла, ни человѣческой воли въ ея разумныхъ проявленіяхъ. Сочиненія Хризиппа образовали римскихъ философовъ, между которыми Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій Антонинъ, кесарь-философъ, сдѣлались поборниками стоицизма. Римскіе философы обработали преимущественно практическую сторону стоицизма, а нравственную его силу старались развить назидательными сочиненіями; но сочиненія ихъ блестятъ заимствованнымъ свѣтомъ — вѣроятнымъ плодомъ тайныхъ сношеній стоиковъ съ христіанами.

Римскій стоицизмъ, или, правильнѣе, нео-стоицизмъ, возникшій еще до Катона, получаетъ полное развитіе въ первые годы правленія Нерона.

---

(1) За 300 лѣтъ до Р. Х.

(2) *Нравственныя основанія* приняты здѣсь въ смыслѣ относительномъ: языческая мудрость — все-таки мудрость человѣческая и исчезаетъ предъ глаголами евангельскихъ истинъ.

(3) Умершій въ 212 году до Р. Х.

Представителями стоицизма при Кесарѣ являются Сенека и Бурръ. Побѣдивъ своимъ вліяніемъ на Нерона вліяніе Агриппины, Сенека и Бурръ, послѣ ея смерти, управляютъ дѣлами Рима; но владычество ихъ было непродолжительно: оно кончилось со смертью Бурра, бывшаго префектомъ преторіи. Преемникъ его, Софоній Тигеллинъ, пріобрѣтаетъ полную довѣренность Нерона и съ этой минуты начинается борьба философовъ съ временщикомъ и его клевретами. Обстоятельства ея извѣстны: одни за другими слѣдуютъ изгнаніе и смерть Рубеллія Плавта, смерть его жены и тестя, смерть самого Сенеки и племянника его, поэта Лукана. Философы и стоики: Корнутъ, Персъ, Аполлоній и Музоній Руфъ изгоняются изъ Рима. Вмѣстѣ съ ними и тогда же (въ 67 году по Р. Х.) изгоняются римскій юрисъ-консультъ Кассій и родственникъ его Силанъ, оба — опоры стоической школы.

Въ это время, при консулахъ Каѣ Светоніи и Люціи Телезинѣ, выступаютъ нео-стоики: Тразеа Петъ и Соранъ Бареа.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ разсказа Тацита (4).

XXI. «По умерщвленіи столькихъ именитыхъ мужей, Неронъ вознамѣрился напослѣдокъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразеи Пета и Бареи Сорана, которые оба ему были ненавистны съ-давнихъ-поръ, а Тразеа по особеннымъ причинамъ, за то, что вышелъ изъ куріи, когда сенатъ разсуждалъ объ убіеніи Агриппины, о чемъ я уже упоминалъ, за то, что неохотно принималъ участіе въ ювеналіскихъ играхъ — обида тѣмъ болѣе чувствительная, что въ своемъ родномъ городѣ Патавіи (5), на учрежденныхъ Троянцемъ Антеноромъ играхъ въ честь, Тразеа пѣлъ въ трагедіи. При этомъ, въ тотъ день, когда осуждали на смерть претора Антистія, за сочиненныя на Нерона сатиры, Тразеа высказалъ болѣе снисходительное мнѣніе, одержавшее верхъ; а когда присуждали божескія почести Поппеѣ, самовольно отлучился изъ Сената и не былъ на похоронахъ. Эти поступки не предавались забвенію стараніями Капитона Коссуціана (6), человѣка съ душою, склонною къ низости, и недруга Тразеи, за то, что Тразеа помогалъ своимъ авторитетомъ киликійскимъ легатамъ (7), ходатайствовавшимъ о взысканіи съ Капитона за его лихоимство.»

Капитонъ поддерживалъ подозрѣнія Нерона постоянными упреками Тразеѣ въ непринесеніи торжественной присяги и жертвъ, въ нерадѣніи о благополучіи кесаря и т. д. По словамъ Капитона, Тразеа и его приверженцы-подражатели составляли партію, которая грозила открытою войною. «Жадный до раздоровъ городъ говоритъ о тебѣ, Неронъ, и о Тразеѣ, какъ о Ю. Кесарѣ и о М. Катонѣ... Провинціи и войско читаетъ дневники римскаго народа единственно для того, чтобъ убѣдиться изъ нихъ въ молчаніи и бездѣйствіи Тразеи... Впрочемъ, не нашли ни слова противъ Тразеи: пусть сенатъ разсудитъ между нимъ и мною». Неронъ, одобривъ Капитона, далъ ему въ помощники Марцелла, оратора, замѣчательнаго силою краснорѣчія.

---

(4) См. Тацита Лѣтописи, кн. XVI, гл. XXI и послѣдующія.
(5) Въ Падуѣ.
(6) Тигеллиновъ зять.
(7) Выборнымъ посламъ.

Между-тѣмъ Соранъ, по окончаніи азійскаго проконсульства, былъ обвиненъ римскимъ всадникомъ Сабиномъ Осторіемъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Рубеліемъ Плавтомъ и въ намѣреніи снискать любовь провинціи для исполненія честолюбивыхъ замысловъ. Въ это время Римъ ожидалъ прибытія Тиридата, который долженъ былъ получить изъ рукъ Нерона армянскій вѣнецъ. Тразеѣ было запрещено появляться въ публикѣ. Тразеа написалъ Нерону письмо, въ которомъ удостовѣрялъ, что если ему объявятъ его вину, онъ представитъ полное оправданіе. Противъ ожиданія, Неронъ не нашелъ въ этомъ письмѣ никакихъ льстивыхъ выраженій и повелѣлъ сенату собраться для сужденія Тразеи и Сорана.

Тразеа собралъ друзей. Одни совѣтовали ему оправдываться; другіе старались доказать, что всякое оправданіе навлечетъ только преслѣдованіе на супругу и дѣтей Тразеи. Молодой трибунъ Рустикъ Аруленъ просилъ дозволенія воспротивиться сенатскому рѣшенію властью, присвоенною его званію, но Тразеа удержалъ этотъ порывъ благоразумнымъ совѣтомъ.

Тацитъ продолжаетъ такъ :

«На другой день, на разсвѣтѣ, двѣ когорты преторіанцевъ обложили храмъ Венеры-родотворной; толпа гражданъ тѣснилась у входа; по форумамъ и базиликамъ были разставлены отряды воиновъ; сенаторы вошли въ кѵрію посреди этого скопища, нещадившаго угрозъ. Рѣчь кесаря была прочтена его квесторомъ. Не называя никого, Неронъ укорялъ сенаторовъ въ томъ, что они уклоняются отъ исполненія общественныхъ обязанностей и своимъ примѣромъ поощряютъ бездѣйствіе римскихъ всадниковъ. Неудивительно, что одни не являются къ должности изъ отдаленныхъ провинцій, когда другіе, получившіе консульство и жреческое достоинство, избрали исключительнымъ своимъ занятіемъ украшеніе садовъ.» Эта стрѣла была поймана обвинителями на-лету.

Капитонъ и Марцеллъ осыпали упреками отсутствовавшаго Тразею. Марцеллъ вопіялъ, между-прочимъ, что сенаторамъ стыдно оставлять безъ преслѣдованія законовъ Тразею, Гельвидія Приска, раздѣлявшаго вражду своего тестя, Паконія Агриппина, наслѣдника отеческой ненависти къ Нерону, и Курція Монтана, автора безстыдныхъ пѣсенъ.

Рѣчь Марцелла, всегда свирѣпаго и грознаго, а тогда пламенѣвшаго гнѣвомъ, устрашила сенаторовъ, хотя и убѣжденныхъ въ невинности обвиненныхъ.

Выписываемъ далѣе изъ Тацита:

XXX. «Между-тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана, и укоряетъ его въ сношеніяхъ съ Рубелліемъ Плавтомъ и въ стремленіи, во время азійскаго проконсульства въ ущербъ Риму, снискать народную любовь возмущеніемъ азійскихъ племенъ. Къ этимъ старинным упрекамъ Осторій присоединилъ еще новый : онъ обвинилъ дочь Сорана въ раздачѣ денегъ волшебникамъ. И дѣйствительно, дочерняя привязанность породила это заблужденіе : Сервилія (такъ называлась молодая женщина), по любви своей къ отцу и по молодости лѣтъ, обращалась за совѣтами къ магамъ; но она хотѣла узнать единственно о томъ, какая участь ждетъ ея семейство, умилостивится ли Неронъ и не будетъ ли процесъ ея отца имѣть гибельныхъ послѣдствій?

«Итакъ Сервилія явилась въ Сенатъ. Передъ трибуналъ консуловъ

предстали, съ одной стороны, престарѣлый отецъ, съ другой, дочь, едва-достигшая двадцатилѣтняго возраста и уже осужденная на вдовство и одиночество недавнимъ изгнаніемъ ея супруга, Полліона. Сервилія не осмѣливалась взглянуть на своего отца, почитая себя виновною въ усиленіи грозившей ему опасности.

XXXI. «Когда обвинитель спросилъ ее: не продавала ли она своего ожерелья и свадебныхъ подарковъ съ цѣлью употребить деньги на волхвованіе, Сервилія сначала простерлась ницъ, долго молчала и плакала; наконецъ, обнимая алтари, сказала: «Я не призывала подземныхъ боговъ»... и т. д.

Рѣчь ея и отвѣтъ Сорана сохранены, съ нѣкоторыми отступленіями, въ моей драмѣ. Чтобъ не повторять, продолжимъ повѣствованіе Тацита:

«Приступили къ слушанію свидѣтелей, и къ чувствамъ состраданія, возбужденнымъ жестокостью обвиненія, присоединились омерзѣніе и ужасъ, вызванные показаніемъ Эгнатія. Этотъ кліентъ Сорана, продавшій своего друга, прикрывался строгостью стоической секты, придавалъ своему лицу и всей наружности тщательно-изученное выраженіе благодушія, а въ глубинѣ души таилъ вѣроломство, обманъ, скупость и развратъ. Деньги обнажили всѣ пороки этого презрѣннаго, который доказалъ, что не только нужно опасаться отъявленныхъ хитрецовъ и людей, заклейменныхъ безчестіемъ, но что и подъ личиною добродѣтели скрываются иногда лицемѣры, а подъ личиною дружбы — предатели.

XXXIV. «Тѣмъ неменѣе, въ этотъ же самый день, Кассій Асклепіодотъ явилъ собою примѣръ честности. Богатый и знатный вольноотпущенникъ, онъ зналъ Сорана въ дни его славы; не покинулъ и въ несчастіи.»

Описаніемъ послѣднихъ минутъ Тразеи оканчивается лѣтопись Тацита, но со смертью Тразеи не прекратилось значеніе стоицизма. При Веспасіанѣ, Гельвидій Приск, возвращенный изъ изгнанія, преслѣдуетъ обвинителя Тразеи, Марцелла; Музоній Руфъ преслѣдуетъ П. Эгнатія (Публій Эгнатій Целеръ).

Читатели могутъ усмотрѣть, на сколько остался я вѣренъ въ моей драмѣ разсказу Тацита, на сколько измѣнилъ его.

Напримѣръ: лицо мужа Сервиліи, Полліона, замѣнено лицомъ Рустика Арулена, которому придано названіе Валерія; вмѣсто Кассія Асклепіодота, защитниками нео-стоиковъ являются ихъ кліенты; Тразеа выведенъ на сцену вдовцомъ; участіе Нерона въ обвинительномъ процесѣ отстранено; дальнѣйшая судьба Тразеи и Сорана оставлена въ безвѣстности.

Отвѣчать на вопросы о причинахъ такихъ измѣненій — и долго и трудно. На всякій случай ограждаюсь пресловутымъ рѣченіемъ: *licentia poëtica!*

([2]) *Римскій форумъ* (Forum romanum). Декорація представляетъ собственно часть форума, прилегавшую къ Капитолію и священной дорогѣ. Зданія размѣщены по плану *Дезобрй*, составленному по историческимъ указаніямъ и по остаткамъ знаменитаго древняго плана Рима, вырѣзаннаго на мраморѣ. ([8]) Значеніе римскаго форума извѣстно: на немъ

([8]) См. Rome au siècle d'Auguste par Desobry, t. I.

происходили засѣданія Сената и народныя собранія, рѣшались дѣла общественныя и частныя. Сенатъ собирался обыкновенно въ Юлійской Куріи, народъ въ Комиціумѣ; политическія дѣла разбирались въ базиликѣ Эмиліи, дѣла денежныя въ базиликѣ Аргентаріи и въ храмѣ Сатурна; частные процесы разсматривались въ трибуналѣ претора, при Колоннѣ-Менніи, и т. д.

([3]) *Термополіи* замѣняли у римлянъ современныя кофейни; въ нихъ преимущественно продавались подогрѣтыя вина и разные напитки ([9]).

([4]) *Locusta*, Локуста — отравительница, содержавшаяся при началѣ правленія Нерона въ темницѣ. По случаю отравленія Британика, Неронъ освободилъ ее отъ заключенія, одарилъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствій. Впослѣдствіи она имѣла даже ученниковъ ([10]). Объ ученицахъ Локусты упоминаетъ также Ювеналъ ([11]). Поэтому, въ первой декораціи моей драмы, имя Локусты, написанное на дверяхъ ея дома, служитъ какъ-бы вывѣскою школы.

([5]) *Игральныя кости* назывались у римлянъ *tali*; числомъ ихъ было четыре; видомъ онѣ походили на употребляемыя въ наше время, съ тою разницею, что были перемѣчены очками не со всѣхъ шести сторонъ, а только съ четырехъ, и именно: очкомъ, тремя, четырьмя и шестью.

Кости высыпались изъ рожка на особоустроенную доску, или на столъ. Число выпавшихъ на верхней сторонѣ очковъ и различное ихъ сочетаніе составляло 35 различныхъ *ударовъ*, названныхъ по именамъ боговъ, богинь, героевъ и т. д. Главнымъ ударомъ считался *ударъ Венеры*, состоявшій изъ четырехъ различныхъ чиселъ; самымъ неудачнымъ — *ударъ собаки*, состоявшій изъ четырехъ очковъ, по очку на каждой кости ([12]). Игра въ кости бывала иногда очень-значительна; напримѣръ, Неронъ игралъ по 400 сестерцій на очко.

([6]) У римлянъ были въ обращеніи монеты мѣдныя, серебряныя и золотыя. Мѣдныя монеты были: *ассъ* и его подраздѣленія — *семиссъ* (полуассъ), *тріентъ* (треть), *квадрантъ* (четверть), *секстантъ* (шестая доля) и *стипсъ* (двѣнадцатая доля асса). Четыре асса составляли мелкую серебряную монету — *сестерцію*, равную нашему пятачку. Другая серебряная монета— *квинарій*, равнялась нашему гривеннику, *динарій* — двугривенному. Золотая монета была одна и называлась *nummus aureus*, или просто *aureus* (золотой), и стоила 25 динаріевъ. Считали обыкновенно сестерціями (*sestertius*), отъ которыхъ слѣдуетъ отличать большія сестерціи (*sestertium*), воображаемую монету, заключавшую въ себѣ 1000 обыкновенныхъ сестерцій. Другою воображаемою монетою былъ *талантъ*, стоившій около 500 р. сер. ([13])

([7]) *Aedèpol!* Это слово сокращено изъ двухъ словъ: *aede Pollucis* и означаетъ: клянусь храмомъ Поллукса! Мужчины обыкновенно употреб-

---

([9]) См. «Помпея» Классовскаго.
([10]) См. Светонія въ Неронѣ, гл. 23, и Тацита Лѣт., XIII, 15.
([11]) Сат. I, 71.
([12]) См. Авла Гелле, I, 20. Проперція, II, 18. Марціала, XIV, 14 и др.
([13]) См. Плинія, XXX, 3.

ляли эту клятву въ минуту волненія страстей ; женщины клялись Кастором : *Mécastor!* ([14]).

([8]) *Патроны и кліенты.* Слово патроны (*patroni*) происходитъ отъ *patres* (отцы), слово кліенты (*clientes*) — отъ *colentes* (почитающіе). Ромулъ, при учрежденіи гражданской системы Рима, предоставилъ каждому плебею выбирать себѣ защитника и покровителя изъ среды патриціевъ. Обязанности покровителей, или патроновъ, и покровительствуемыхъ, или кліентовъ, были обоюдны и заключались въ слѣдующемъ : 1) Патронъ долженъ былъ замѣнять кліентамъ отца, долженъ былъ заботиться— какъ о присутствовавшихъ, такъ и объ отсутствовавшихъ кліентахъ; долженъ былъ объяснять имъ гражданскія ихъ обязанности, оказывать денежныя пособія, защищать отъ несправедливостей, и, словомъ : охранять ихъ во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. 2) Кліенты были обязаны хлопотать о замужествѣ дочерей своего патрона, въ случаѣ его недостаточности, помогать ему собирать приданое, выкупать изъ плѣна, какъ самого патрона, такъ и его дѣтей; платить за того и за другихъ въ случаѣ проигранной тяжбы и доставлять имъ деньги, необходимыя для занятія общественныхъ должностей и для другихъ общественныхъ расходовъ. Патронамъ и кліентамъ воспрещались взаимныя обвиненія и свидѣтельства передъ судомъ, возбранялась и взаимная вражда: уличенный въ одномъ изъ этихъ проступковъ считался измѣнникомъ, а по закону Ромула, всякій гражданинъ имѣлъ право убить измѣнника ([15]).

Эти отношенія патроновъ и кліентовъ, сохранявшіяся въ–теченіе шести вѣковъ, ощутительно измѣнились при кесаряхъ. Еще при Августѣ, слово «кліентъ» означало (за немногими исключеніями) бѣдняка, обязаннаго, за кусокъ насущнаго хлѣба, льстить и всячески угождать богатому патрону, незнавшему своего кліента даже и по имени. Съ утра толпясь въ атріумѣ патрона, кліенты по нѣскольку часовъ дожидались выхода своего лѣниваго покровителя и ежедневной подачки (sportula), состоявшей или изъ съѣстныхъ припасовъ, или изъ незначительной суммы. Марціалъ упоминаетъ, что въ его время любимые кліенты получали каждый день отъ своихъ патроновъ до трехъ динаріевъ; ([16]) но бо́льшая часть довольствовалась десятью сестерціями въ мѣсяцъ. Правда, что кліентамъ не возбранялось имѣть по нѣскольку патроновъ и что многіе изъ плебеевъ успѣвали въ одно утро обѣгать за подачками до десяти домовъ. Подобныя отношенія породили, съ одной стороны, высокомѣріе, съ другой — готовность на всякую низость и вѣроломство : кліенты продавали себя тому, кто имъ платилъ дороже, и не питали ни къ кому особенной привязанности. Но между–тѣмъ самая продажность кліентовъ вынуждала патроновъ къ строгому выполненію ихъ обязанностей, и это понятно : кліенты были гражданами и имѣли голоса на выборахъ въ общественныя должности, а съ этими должностями соединялось и политическое значеніе, и богатство. Рѣдкіе примѣры привязанности кліентовъ къ патро-

([14]) См. Плавта.
([15]) См. Плутарха, Ромулъ 13, Маріи 5 и Діон. Галикарн., II, 10.
([16]) См. Марціала, III, 7. IV, 26. IX, 103. X, 75.

намъ составляли исключеніе изъ общаго правила, но тѣмъ не менѣе они достовѣрны. Римляне дѣлили кліентовъ, по мѣрѣ приближенности ихъ къ патронамъ, на нѣсколько разрядовъ: тѣ, которыхъ обязанность состояла единственно въ обычномъ посѣщеніи и поклонѣ, назывались *salutatores*, выходившіе съ патрономъ изъ дома именовались *anteambulones*, а сопровождавшіе его повсюду — *assectatores* и *prosecutores* (17). Намъ остается замѣтить, что патроны могли быть въ то же время и кліентами. Напримѣръ: Помпей былъ кліентомъ оратора Гортензія (18), Марій былъ кліентомъ Герсинія (19).

(9) Съ большою вѣроятностью можно полагать, что полента употреблялась древними римлянами (20). *Dea Fornax* была кухонною богинею римлянъ.

(10) *Атріумъ*. Постройка римскихъ домовъ (21) и расположеніе комнатъ имѣли нѣкоторыя особенности, непонятныя для незнакомыхъ съ древнею архитектурою.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе объ устройствѣ римскихъ домовъ, приведемъ описаніе Дезобри (22).

Авторъ переноситъ насъ въ вѣкъ Августа и заставляетъ присутствовать при осмотрѣ дома Мамурры тогдашнимъ архитекторомъ–писателемъ Витрувіемъ, который показываетъ это вновь–отстроенное имъ зданіе молодому галльскому путешественнику Камулогену и гречекому писателю Діонисію Галикарнасскому.

«Витрувій–старикъ: изъ уваженія къ его лѣтамъ, я (Камулогенъ) и Діонисій отправились къ нему на домъ, а отъ него пустились въ путь уже втроемъ. Взобравшись на Целіусъ, мы вышли на площадку передъ домомъ Мамурры. Я поспѣшно прошелъ площадку и направился-было къ двери дома, но Витрувій остановилъ меня словами: «Не торопись Камулогенъ: здѣсь должно начаться наше объясненіе. Ты нѣсколько разъ проходилъ эту площадку, но знаешь ли, что она составляетъ часть дома и знаешь ли, какъ она называется? Это — сѣни (area или vestibulum), продолжалъ Витрувій, замѣтивъ, что я молчу. Мнѣ нѣтъ нужды объяснять тебѣ, что находящаяся посреди сѣней статуя представляетъ, по обычаю, хозяина дома. Статуя отлита изъ мѣди и изображаетъ Мамурру на конѣ, въ одѣяніи префекта работнаго отряда при кесарскомъ войскѣ. При постройкѣ больнаго дома, мы имѣемъ обыкновеніе оставлять между фасадомъ зданія и улицей пустое пространство, обрамляемое или портиками, или двумя сосѣдними домами. Эти сѣни придуманы для того, чтобъ кліентамъ, приходящимъ иногда къ патрону съ слишкимъ раннимъ поклономъ,

---

(17) См. Цицерона de Petit. Consul. Тацита de Orat. 13. Марціала, II, 18.

(18) См. Сенеку Controvers, VII, 2.

(19) См. Плутарха, Марій, 5. Катуллъ (46, V, 7) называетъ Цицерона всесвѣтнымъ патрономъ, «optimus omnium patronus».

(20) См. «Помпею» Классовскаго и Rome au siècle d'Auguste, Desobry, t. I., l. XIV.

(21) Дома раздѣлялись на собственно домы (domus) и на такъ-называемые *острова* (insulae), дома-особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ улицами.

(22) Rome au siècle d'Auguste. Lettre IX.

не дожидаться пробужденія невольниковъ на улицѣ. Теперь войдемъ : здѣсь нѣчего болѣе осматривать.»

«При этихъ словахъ, онъ приблизился къ двустворчатой дубовой двери, вставленной между двухъ пилястровъ, увѣнчанныхъ изящнымъ карнизомъ; половинки двери были обиты мѣдью и усажены крупными гвоздями, съ золотой насѣчкой на шляпкахъ. Витрувій позвонилъ въ колокольчикъ, употребляющійся почти во всѣхъ домахъ для призыва придверника, и мы уже переступали порогъ, какъ вдругъ передъ нами появился изъ своей келейки придверникъ (ostiarius) и, протянувъ длинный прутъ, крикнулъ : «Кто вы?» Въ то же мгновеніе помѣщенная рядомъ съ придверникомъ собака (римляне постоянно держатъ у входа въ домъ собакъ, какъ помощниковъ сторожей), залаяла такъ сильно, что нѣсколько времени мы не могли разслушать другъ друга. Придверникъ насъ узналъ, заставилъ замолчать пса, и мы вошли въ коридоръ, устланный штучнымъ помостомъ изъ бѣлаго мрамора, перемѣшаннаго съ квадратиками изъ чернаго мрамора.

«Мы теперь въ *протирумѣ*» (prothyrum) сказалъ Витрувій...

Въ концѣ протирума, ощутительно покатаго къ дверямъ, находится вторая дверь : она ведетъ на красивый четырехугольный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ мраморными колоннадами, образующими портики.

«Мы называемъ этотъ дворъ *атріумомъ*» продолжалъ Витрувій. «Слово atrium, происходитъ отъ Atria, этрусскаго города, въ которомъ получила начало эта счастливая архитектоническая выдумка — примкнуть къ дому крытые портики, подъ которыми можно прогуливаться въ тѣни, а посреди двора устроить водоемъ, отъ котораго вѣетъ свѣжею прохладою... Ежели вы хотите знать поименно всѣ части атріума, я вамъ скажу, что примыкающіе къ дому портики называются *cavaedia*, невымощенное пространство, т.-е. самый дворъ называется *impluvium*, а водоемъ, находящійся въ его центрѣ — *compluvium* ([23]).

Поименовавъ пять видовъ атріума : тосканскій (*Toscanicum*), четырехколонный (*tetrastyle*), коринѳскій (*Corinthium*), бездождничный, или атрі-

---

([23]) Г. Классовскій высказалъ болѣе-вѣроятное мнѣніе, что слово *дождникъ* (compluvium) должно было означать отверстіе, оставляемое въ потолкѣ атріума, для пропуска дневнаго свѣта и дождевой воды, стекавшей въ impluvium, водоскопильникъ. По-крайней-мѣрѣ этимъ мнѣніемъ объясняется хозяйственное значеніе дождника : онъ служилъ для освѣщенія римскихъ комнатъ, неимѣвшихъ оконъ на улицу, потому-что римляне до конца перваго вѣка не знали употребленія оконныхъ стеколъ и свѣтъ проникалъ въ ихъ комнаты сквозь окна, закрываемыя на ночь ставнями, или сквозь окошечки, прорѣзываемыя въ дверяхъ. Для сохраненія въ комнатахъ тепла и для защищенія ихъ отъ дождя, необходимо было обратить окна на внутренній дворъ, крытый навѣсомъ, или на *атріумъ*. Недостаткомъ дневнаго свѣта въ римскихъ домахъ порождены, по словамъ г. Классовскаго, многія условія домашней жизни древнихъ, «какъ-то : а) ихъ ночныя занятія всѣмъ, что̀ не могло совершаться на форумѣ, напримѣръ, чтенія, пиршества, дружескія собранія ; б) отсутствіе зданій для помѣщенія школъ, кабинетовъ чтенія, присутственныхъ мѣстъ и т. п., несообразное съ тѣмъ, что̀ мы положительно знаемъ о большомъ числѣ въ древности тяжебъ, риторовъ, софистовъ и преподавателей наукъ, о числѣ, предполагающемъ цѣлыя сотни слушателей.»

умъ съ сплошнымъ навѣсомъ *displuviatum* и черепаховидный (*testudinatum*), авторъ продолжаетъ :

«Замѣтьте украшенія атріума. Колонны въ немъ изъ цѣльныхъ кусковъ бѣлаго лунскаго мрамора ; помостъ, изъ того же мрамора, обрамленъ черною чертою, для отдѣленія отъ стѣнъ, которыхъ обводы выложены также мраморомъ , а верхняя часть покрыта живописью. «И очень странною, сказалъ я Витрувію. Сколько разъ останавливался я передъ этими рисунками, а все-таки не понимаю значенія этихъ фигуръ людей и животныхъ, оканчивающихся причудливыми орнаментами. Напримѣръ : что̀ означаютъ эти бюсты женщинъ съ хвостами дельфиновъ, эти листья, свивающіеся въ раковины, эти цвѣты, изъ чашечки которыхъ выходитъ передняя часть льва? Воображеніе живописца, расписавшаго эти портики, слишкомъ ужь вычурно...» — «Скажи лучше, сумасбродно», возразилъ нашъ проводникъ. Прежде живописцы старались примѣнять свои рисунки къ роду, положенію и назначенію комнатъ, но теперь все перемѣнилось, и Мамурра, какъ и всякій другой, уступилъ общему вліянію дурнаго вкуса.

Посѣтители разсматриваютъ въ атріумѣ разныя мѣдныя и мраморныя статуи — произведеніе иностранныхъ художниковъ. Витрувій указываетъ имъ на льняное пурпуровое покрывало , натянутое надъ атріумомъ. «Оно поддерживаетъ такую свѣжесть, говоритъ онъ, что въ атріумѣ можетъ расти мохъ». Глубину атріума занимаютъ три комнаты : пріемная (tablinum) и крылья (alae). Въ первой хранятся семейные архивы, во вторыхъ — семейные портреты, т. е. восковыя фигуры, каждая въ отдѣльномъ шкапу ; надписи на шкапахъ означаютъ титулъ, заслуженныя почести и подвиги изображеннаго лица.

— Начнемъ по порядку, сказалъ Витрувій. — Не выходя изъ атріума, осмотримъ окружающія его комнаты. Начнемъ со столовыхъ (triclinia). Онъ отворилъ нѣсколько дверей, однѣ за другими, а мы послѣдовали за нимъ.

— Столовые блещутъ роскошью утвари и всѣми затѣйливыми выдумками утонченнаго римскаго вкуса. Онѣ размѣщены сообразно временамъ года: зимнія обращены на западъ, весеннія и осеннія на востокъ, лѣтнія на сѣверъ... украшены колоннами и вымощены или мраморными плитами, или мозаикою.

По бокамъ атріума находятся съ лѣвой стороны кухня, сарай и конюшни (carceres, equilia) съ правой — пекарня и помѣщеніе для рабовъ.

Мы снова вошли въ атріумъ.

— Все, что̀ вы видѣли до-сихъ-поръ (сказалъ намъ Витрувій), составляетъ переднюю половину дома, половину публичную, въ которую могутъ проникать кліенты. Теперь мы осмотримъ *хозяйскую* половину, въ которую никто не можетъ войдти безъ приглашенія. Пройдемъ этими коридорами, (fauces), проведенными съ обѣихъ сторонъ пріемной. Мы въ перистилѣ.

— Этотъ портикъ, болѣе длинный, чѣмъ короткій, и поддерживаемый колоннами, напоминаетъ своей формою атріумъ, но убранъ гораздо-роскошнѣе : передъ каждою колонною возвышается статуя; между колоннъ вырыты канавки (plutei); онѣ обложены мраморомъ, наполнены землею

и замѣняютъ цвѣточныя грядки... Посреди перистиля находится цвѣтникъ (xystus) и мраморный фонтанъ.

Витрувій направляется къ западной оконечности перистиля и вводитъ посѣтителей въ разныя залы, украшенныя колоннами. — Вотъ женское отдѣленіе, сказалъ онъ. — Эти залы называются *oeci* и служатъ женщинамъ рукодѣльнями ([24]).

За рукодѣльнями слѣдуетъ библіотека; она обращена на востокъ, потому-что въ ней занимаются обыкновенно утромъ.

На западной оконечности перистиля Витрувій показываетъ *экзедру* — большую галерею, украшенную живописью и служащую для пріема ученыхъ людей, ораторовъ и поэтовъ. Въ экзедру входятъ чрезъ *базилику*, ничѣмъ неотличающуюся отъ базиликъ общественныхъ. Изъ экзедры посѣтители переходятъ въ бани и въ игорныя залы. Зала для игры въ мячъ называется *spheristerium*, а залы для болѣе-мирныхъ игоръ— *aleatoria*. Возвратясь снова въ перистиль, посѣтители осматриваютъ расположенныя вокругъ него *спальни*, (*cubicula*) и *божницу* (*sacrarium*).

— Намъ остается осмотрѣть верхніе этажи дома (*coenacula*), сказалъ Витрувій : — но въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Полюбуемся лучше общимъ видомъ дома. Пойдемте на *solarium*. Вы, безъ-сомнѣнія, знаете, продолжалъ онъ, что такъ называется терраса, возвышающаяся надъ главнымъ корпусомъ зданія и служащая мѣстомъ прогулки. На solarium всходятъ иногда погрѣться весенними или осенними лучами солнца...

Общій видъ дома привелъ Діонисія и меня въ истинное изумленіе: Витрувію пришлось поименовывать отдѣльно каждую часть зданія, для доказательства, что передъ нашими глазами находится одинъ домъ, а не семь или восемь.

Сойдя съ террасы, посѣтители выходятъ изъ дома тайнымъ ходомъ (*posticum*) въ заднюю дверь (*pseudothyrum*); но при выходѣ Витрувій обращаетъ ихъ вниманіе на особый портикъ, примыкающій къ картинной галереѣ (*pinacotheca*).

Греческія названія комнатъ указываютъ на происхожденіе римской архитектуры отъ греческой.

Верхніе этажи занимались или бѣдными жильцами, или невольниками. Вотъ почему въ моей драмѣ сказано:

«Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождникомъ.»

([11]) О колокольчикахъ см. Плинія, XXXVI, 19.

([12]) *Мессалина — Статилія* ([25]), третья супруга Нерона. Она была внукою Статилія Тавра, одного изъ консуловъ при Августѣ; вышла замужъ за Нерона, послѣ четвертаго своего супруга, консула Вестина; по смерти Нерона, намѣревалась сочетаться бракомъ съ кесаремъ Оттономъ и одна преждевременная кончина кесаря помѣшала исполненію этого намѣренія. Красавица и образованнѣйшая женщина своего времени, Статилія занималась риторикой и философіей и написала нѣсколько сочиненій, недошедшихъ до насъ.

([24]) Классовскій считаетъ *oeci* будуарами.

([25]) См. Тацита Лѣт., кн. XV, LXVIII.

([13]) *Софоній — Тигеллинъ*, родомъ изъ Агригента, былъ изгнанъ изъ Рима при Каллигулѣ, за преступную связь съ Агриппиной. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ изгнаніи, проживая въ калабрскомъ городѣ Сквиллаціумѣ и занимаясь рыбною ловлей. Неожиданно доставшееся наслѣдство дало ему возможность пріобрѣсти въ Калабріи пажити, на которыхъ онъ воспитывалъ отличную породу бѣгуновъ для цирка. Это занятіе сблизило Тигеллина съ Нероном. Впослѣдствіи Тигеллинъ сдѣлался префектомъ преторіи и всевластнымъ человѣкомъ. Тацитъ (см. Истор. кн. 1, гл. 72) говоритъ о Тигеллинѣ такимъ образомъ: «Софоній-Тигеллинъ, низкаго происхожденія, развращенный съ малолѣтства, безстыдный въ старости, достигъ своими пороками (а тогда пороки были ближайшимъ путемъ къ достиженію чего-нибудь) префектуры городской стражи, префетуры преторіи и всѣхъ почестей, вознаграждающихъ добродѣтель. Потомъ, прославившись другими, болѣе-зрѣлыми преступленіями, жестокостями и грабежами, онъ увлекъ во всѣ эти злодѣянія Нерона, совершалъ ихъ, даже безъ вѣдома кесаря, и кончилъ тѣмъ, что оставилъ его и предалъ. Поэтому римляне никогда еще не требовали съ такимъ ожесточеніемъ ни чьей смерти, какъ смерти Тигеллина: въ этомъ требованіи соединились и тѣ, которые ненавидѣли Нерона, и тѣ, которые о немъ сожалѣли. При Гальбѣ Виніи поддерживалъ Тигеллина своею властью, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тигеллинъ спасъ жизнь его дочери. И въ-самомъ-дѣлѣ Тигеллинъ ее спасъ, но не изъ милосердія, а по разсчету.»

([14]) *Базиликами* назывались общественныя зданія, въ которыхъ производились и рѣшались общественныя дѣла.

([15]) *Панаѳенеи*. Римляне, заимствовавшіе свою религію отъ грековъ, естественно заимствовали вмѣстѣ съ нею религіозные обряды и процессіи. Къ послѣднимъ относится шествіе *канефоровъ*, происходившее во время празднества *Панаѳеней*. Панаѳенеи учреждены были греками съ незапамятныхъ временъ, въ честь побѣды Минервы надъ титанами. Тезей установилъ ежегодное ихъ празднованіе въ память соединенія всѣхъ аттическихъ племенъ, отчего и происходитъ греческое названіе празднества. Панаѳенеи праздновались въ первый мѣсяцъ послѣ солнцестоянія и продолжались нѣсколько дней: ристанія на колесницахъ, конныя скачки, состязанія пѣвцовъ и музыкантовъ, бѣганье съ зажженными свѣтильниками и общія трапезы ознаменовывали народное торжество.

Самое шествіе канефоровъ, то-есть *корзиноносцевъ*, приведено въ моей драмѣ; оно взято изъ описанія *Бартелеми* ([26]).

Перенесенныя въ Римъ, празднества панаѳеней подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Г. Классовскій замѣчаетъ, что впослѣдствіи шествіе канефоровъ внесено въ кругъ свадебныхъ римскихъ обрядовъ ([27]). Въ корзинахъ, носимыхъ канефорами, заключались священныя орудія, священные пироги и разные жертвенные аттрибуты.

([26]) См. Voyage d'Anacharsis, t. II., ch. XXIV.
([27]) См. «Помпею» Классовскаго.

([16]) *Онъ льва задушитъ голыми руками.* По поводу этого стиха и послѣдующихъ, считаю нужнымъ привести нѣсколько строкъ Свэтонія, обрисовывающихъ личность Нерона. ([28])

«Неронъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, упражнялся почти во всѣхъ свободныхъ искусствахъ; но Агриппина отклонила его отъ изученія философіи, по ея мнѣнію, безполезной для будущаго кесаря, а учитель его, Сенека, возбранилъ ему чтеніе древнихъ ораторовъ, чтобы на одномъ себѣ сосредоточить удивленіе своего питомца. Итакъ Неронъ обратился къ поэзіи и сочинилъ, безъ труда и безъ усилій, нѣсколько стихотвореній. Несправедливо увѣряютъ, что онъ выдавалъ чужіе стихи за свои: у меня были таблички со стихами, несомнѣнно-принадлежащими Нерону и написанными его рукою. Легко было убѣдиться, что эти стихи не были ни переведены, ни написаны подъ диктовку, а составляли плодъ заботливаго размышленія: — такъ много было въ нихъ поправокъ, вставокъ и помарокъ. Онъ имѣлъ также замѣчательную склонность къ живописи, и въ особенности къ ваянію.

«Алкавшій болѣе всего народныхъ рукоплесканій, Неронъ являлся соревнователемъ всякого, кто имѣлъ какое бы то ни было вліяніе на толпу. Общее мнѣніе утверждало, что, не довольствуясь вѣнками, полученными на сценѣ театра, Неронъ намѣревался въ слѣдующее пятилѣтіе появиться на олимпійской аренѣ между атлетами. И дѣйствительно, онъ тщательно упражнялся въ борьбѣ, а на гимнастическія игры въ Греціи смотрѣлъ не иначе, какъ сидя, по обычаю судей, на пескѣ стадіума: ежели какая-нибудь пара борцовъ удалялась отъ центра арены, онъ собственными руками приводилъ ихъ снова на средину. *При этомъ, такъ какъ его называли Аполлономъ за пѣніе и Ѳебомъ за искусство править колесницею, онъ вознамѣрился подражать подвигамъ Геркулеса и, говорятъ, былъ уже приготовленъ левъ, котораго Неронъ хотѣлъ убить дубиной, или задушить голыми руками на аренѣ амфитеатра, передъ глазами всего народа...*

«При концѣ своей жизни, онъ далъ торжественный обѣтъ: ежели одолѣетъ враговъ, отпраздновать побѣду играми и впродолженіе ихъ играть на гидравлическомъ органѣ, на флейтѣ и на волынкѣ, а въ послѣдній день игръ сдѣлаться гистріономъ и проплясать *Turnus* Виргилія.

«Желаніе увѣковѣчить свою память обратилось у него въ плачевное помѣшательство. Такимъ-образомъ онъ измѣнилъ названія многихъ предметовъ и даже городовъ, чтобы придать имъ свое имя. Мѣсяцъ апрѣль онъ назвалъ мѣсяцомъ Нерона (Neroneum) и намѣревался назвать Римъ *Нероноградомъ* (Neropolis).»

([17]) *Квадрига* — четверка коней.

([18]) *Отпущенникъ.* Значеніе римскихъ отпущенниковъ превосходно развито у Шампаньи въ его сочиненіи «Кесари». Перескажемъ нѣсколько его словъ:

Римляне не были очень склонны къ дружественнымъ отношеніямъ. Друзья видались на форумѣ между двухъ рѣчей. Женщины оставались

([28]) См. Свет. Неронъ, LII, LIII, LIV и LV.

дома; съ ними обращались почтительно, болѣе какъ съ матронами, чѣмъ съ супругами; онѣ пряли шерсть и не являлись къ столу. Ученый, вѣрный и сметливый рабъ провожалъ своего господина на форумъ, не отходилъ отъ него дома, лежалъ у его ногъ во время пира, льстилъ ему, развеселялъ его, оказывалъ ему тысячи услугъ и заботъ, на которыя не согласились бы ни одинъ римлянинъ, ни одна римлянка. Этотъ рабъ былъ наперсникомъ, непзмѣннымъ, а иногда и безстыднымъ повѣреннымъ римскаго гражданина. Взоры его постоянно были обращены на одну цѣль — полученіе свободы. Когда же онъ прикрывался колпакомъ отпущенника, когда господинъ облекалъ его тогою, онъ, въ качествѣ свободнаго человѣка, становился еще необходимѣе, еще полезнѣе. Чѣмъ ниже онъ стоялъ въ обществѣ, чѣмъ меньше возбуждалъ зависти, чѣмъ меньше принималъ громкаго участія въ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе понималъ онъ ихъ, тѣмъ лучшимъ становился совѣтникомъ. Отпущенникъ былъ произведеніемъ своего господина, носилъ его имя, былъ членомъ его фамиліи, увеличивалъ на форумѣ число его кліентовъ, вступалъ какъ-бы въ родство съ своимъ господиномъ—благодѣтелемъ и, не выходя изъ его дома, оставался человѣкомъ, готовымъ на всѣ услуги, но не слугою, не рабомъ: отпущенникъ и господинъ, какъ свободные люди, дѣлались друзьями, и ихъ отношенія облагораживались отпущенничествомъ, всегда выражавшемъ благодѣяніе съ одной и преданность съ другой стороны. Отпущенники кесаря имѣли иное значеніе...

Дальнѣйшее объясненіе Шампаньи не идетъ къ дѣлу. Замѣтимъ только, что кесарскіе отпущенники имѣли огромное вліяніе на дѣла : неоспоримыя доказательства на-лицо у Тацита, Светонія, Плинія, Ювенала и Діона.

([19]) А *старый гдѣ?* Аферъ намекаетъ на пожаръ Рима, приписываемый Светоніемъ и Тацитомъ Нерону. Однакожь, Неронъ обвинилъ въ этомъ пожарѣ христіанъ, выкупившихъ страшными муками несовершенное ими преступленіе.

([20]) *И самъ сновидѣцъ съ горя удавился!* Въ 66-мъ г. по Р. Х., нѣкто Цезелліи Бассъ, родомъ карѳагенецъ, прибылъ въ Римъ и, явившись къ Нерону, объявилъ, что посланное богами сновидѣніе указало ему, подъ его полемъ, глубокую пещеру, наполненную огромными золотыми слитками и золотыми колоннами. По его мнѣнію, это сокровище принадлежало нѣкогда Дидонѣ, которая зарыла его, тотчасъ же по основаніи Карѳагена, во избѣжаніе новой вражды съ нумидійскими царями. Неронъ не только повѣрилъ на слово кароагенцу, но отрядилъ ему въ помощь цѣлыя толпы воиновъ и поселянъ и далъ въ его распоряженіе лучшія свои суда, для перевоза сокровища въ Римъ ; мало того : въ счетъ будущихъ благъ, онъ истратилъ огромныя суммы на подарки своимъ друзьямъ. Между-тѣмъ Бассъ, перерывъ все свое поле и большое пространство окружной земли, долженъ былъ наконецъ убѣдиться въ своемъ безуміи. Тацитъ, разсказывающій это происшествіе, заключаетъ : «Не постигая какимъ образомъ всѣ его сновидѣнія дотолѣ сбывались, а послѣднее его обмануло, Бассъ избавился отъ стыда и страха добровольною смертью. Нѣкоторые удостовѣряютъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу, но вскорѣ освобожденъ, а имѣніе его конфисковано, взамѣнъ (небывалаго) клада.»

([21]) *Ты началъ говорить о христіанахъ.* Повѣствованіе о водвореніи въ Римѣ истинной вѣры принадлежитъ исторіи Церкви. Дѣянія святыхъ апостоловъ, житіе священномучениковъ и первыхъ отцовъ Церкви освѣтили передъ міромъ и торжество евангельскаго ученія, и тернистые пути, по которымъ страстотерпное воинство Христово, *отвержась себѣ*, несло крестъ свой, во имя Искупителя.

Мы, съ своей стороны, приведемъ первыя свидѣтельства римскихъ писателей о христіанахъ.

Свѣтоній смѣшиваетъ сначала христіанъ съ іудеями; но въ описаніи правленія Нерона уже называютъ христіанъ по имени: «*afflicti suppliciis christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae*».

Тацитъ въ XV-й книгѣ выражается такъ: «Для уничтоженія этихъ слуховъ (то-есть слуховъ, обвинявшихъ Нерона въ пожарѣ Рима), Неронъ сталъ разыскивать виновныхъ и подвергъ страшнымъ мученіямъ несчастныхъ, которыхъ обыкновенно называютъ христіанами». Описывая мученія христіанъ, Тацитъ говоритъ: «Казнь ихъ была сопряжена съ какимъ-то посмѣяніемъ: ихъ зашивали въ звѣриныя шкуры и травили псами; ихъ обливали смолой, привязывали къ крестамъ и ночью зажигали вмѣсто факеловъ. Неронъ уступилъ свои сады для этого зрѣлища, а самъ въ тоже время давалъ игры въ циркѣ, толкался между народомъ въ одѣяніи возницы и правилъ колесницами; поэтому христіане, хотя были виновны ([29]), возбудили общее состраданіе.

Тацитъ описывалъ казнь христіанъ не бывши ея очевидцемъ; но другой писатель, Сенека, повидимому, былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти мучениковъ. Подтверждая свидѣтельство Тацита, онъ говоритъ ([30]): «Мученики спокойно и съ веселой улыбкой смотрѣли на свои растерзанныя утробы и ставили страданія ни во что. Итакъ да не убоится тотъ угрозъ, кто понялъ вѣчность своей душою. Да и какъ ихъ бояться тому, для кого смерть — надежда!» Марціалъ ([31]) и Ювеналъ ([32]) упоминаютъ съ содроганіемъ о безчеловѣчныхъ мукахъ, исчисленныхъ Тацитомъ.

Между-тѣмъ христіане, со времени гоненія, воздвигнутаго на нихъ Нерономъ, не могли уже гласно появляться въ Римѣ. Оставшіеся въ живыхъ укрылись въ *катакомбахъ*, гдѣ и основалась первая церковь, утвердившая свои алтари во мракѣ этихъ погребальныхъ подземелій, этихъ бывшихъ каменоломень, изъ которыхъ вышли зданія языческаго Рима и долженствовалъ излетѣть духъ Рима христіанскаго.

([22]) *Термы Агриппы.* Термами у римлянъ назывались бани. Термы Агриппы были однѣми изъ общественныхъ бань, въ которыхъ римляне проводили по нѣскольку часовъ въ день. Термы строились съ необычайной роскошью и великолѣпіемъ, украшались произведеніями изящныхъ искусствъ и вмѣщали въ себѣ всѣ удобства общественной жизни: при нихъ находились библіотеки, столовыя, игорныя залы и т. д. Считая излишнимъ

([29]) Благоволятъ гг. читатели попомнить, что здѣсь, также, какъ и въ моей драмѣ, говоритъ язычникъ.

([30]) См. Сенеку Ess. 14, 85 и 102.

([31]) См. Марц., X.

([32]) См. Ювен., VIII, 235 id. Sat., I, 155.

входить въ подробности, замѣтимъ только, что римскія общественныя термы могли назваться городками. Любознательные читатели найдутъ описанія термъ у Лампридія, Марціала, Амміена Марцеллина и другихъ.

([23]) *По мнѣнію ученыхъ.* Я позволилъ себѣ эту шутку на объясненіе г. Класовскимъ изображенія на жертвенномъ возліяльникѣ рогатаго сатира ([33]). Въ моей драмѣ Паконій измѣняетъ стихъ Горація, который читается такъ: *in praelia trudit inermem.*

([24]) *Напомнить соименницу свою.* Мессалину Валерію, жену Клавдія, извѣстную своей жестокостью и распутствомъ.

([25]) *И прекратить ехидные доносы.* По римскимъ законамъ, имѣніе осужденнаго поступало въ казну, то-есть въ пользу кесаря. Расточительному Нерону нужны были деньги, а деньги доставлялись очень-легко, по завѣщаніямъ осужденныхъ, поставленныхъ въ необходимость отказывать часть своего имущества кесарю и Тигеллину, безъ чего ихъ дѣти и родственники лишались наслѣдства. Отсюда множество доносовъ и доносчиковъ, губившихъ общественную жизнь Рима ([34]).

([26]) *Деметрій,* философъ-циникъ, былъ другомъ Тразеи и стоиковъ, преслѣдовалъ своими рѣчами роскошь и развратъ богатыхъ римлянъ, которые охотно собирались его слушать. Впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ изъ Рима.

([27]) *Благословите, Гигія и Бахусъ!* Излишне говорить о роскоши римскихъ пировъ и о римской гастрономіи. Всякому извѣстно, до какого безумія доходила эта роскошь, поглощавшая въ одинъ ужинъ годовые доходы съ цѣлыхъ провинцій. Напримѣръ, однажды Калигула истратилъ на вечерній столъ десять мильйоновъ сестерцій. Частные люди соперничали съ кесарями въ сумасбродныхъ тратахъ на пиршества. Имена Лукулла, Октавія, Апиція, Полліона и кесаря Клавдія, восклицавшаго въ Сенатѣ: *rogo vos—qui potest sine offulâ vivere?* ([35]) достаточно свидѣтельствуютъ о сластолюбіи римлянъ, породившемъ изрѣченіе: «*edunt ut vomant, vomant ut edunt.*»

([28]) *Архимагиръ* — главный поваръ. Во время Нерона учредились въ Римѣ гастрономическія школы, и изъ нихъ то выходили пресловутые повара, стоявшіе на челѣ дворской челяди и получавшіе огромное жалованье и подарки.

([29]) *Ритоны* — греческое слово, означающее питейные рога.

([30]) *Менадами* назывались въ Греціи вакханки. Слово менада значитъ собственно бѣснующаяся. Римскія танцовщицы, являясь на пиры, одѣвались иногда вакханками, и безумная пляска, доводившая ихъ до самозабвенія, упрочила за ними прозваніе менадъ.

([31]) *Сосѣдки нашей Силіи.* Силія — лицо историческое. Она была близкой пріятельницей Петронія, описавшаго, подъ вымышленными именами, любовныя похожденія Нерона и его приближенныхъ. Петроній, замѣшанный въ дѣлѣ Пизона, самъ лишилъ себя жизни, а передъ смертью послалъ Нерону упомянутое нами сочиненіе. Подозрѣвая нѣкоторое содѣй-

---

([33]) См. «Помпею» Классовскаго, примѣч. 191.
([34]) См. Светонія и Тацита.
([35]) Спрашиваю: кто можетъ прожить день безъ куска мяса?

ствіе со стороны Силіи, бывшей замужемъ за сенаторомъ и знакомой съ тайнами римскаго общества, Неронъ изгналъ ее изъ Рима. Тацитъ выражается такъ: ...«*agitur in exsilium tanquam non siluisset quae viderat pertuleratque, proprio odio*» ([36]).

([32]) *Центуріонъ* — сотникъ римскаго войска. Центуріоны обыкновенно посылались къ обвиненнымъ для возвѣщенія воли кесаря и Сената.

([33]) *Латиклава* — бѣлая тога съ красными каймами. Носить ее имѣли право только сенаторы и важные сановники.

([34]) *Кукулемъ* (cucullus) назывался капюшонъ, который накидывали себѣ на голову римскія женщины, когда не хотѣли быть узнанными.

([35]) *Канидія.* Извѣстная волшебница, о которой нѣсколько разъ упоминаютъ Горацій и Овидій. Декорація лабораторіи, костюмъ и заклинанія Локусты основаны также на свидѣтельствахъ обоихъ поэтовъ. Волшебницъ называли сагами (*sagae*), отъ глагола *sagire*, значащаго имѣть тонкое чутье ([37]).

([36]) *Имплювіата* — длинная женская одежда, употреблявшаяся въ ночное, или ненастное время.

([37]) *Капище Венеры.* Тацитъ къ имени Венеры придаетъ эпитетъ *родотворной* (*genitrix*). Открытіе судебнаго засѣданія удостовѣреніемъ жреца, размѣщеніе консуловъ, претора, сенаторовъ и прочихъ лицъ, вызовъ осужденныхъ и свидѣтелей черезъ глашатая, чтеніе судебнаго протокола, словомъ: весь порядокъ римскаго уголовнаго судопроизводства сохраненъ въ моей драмѣ почти безъ измѣненія.

([38]) *Паконія.* Паконій Агриппинъ показалъ замѣчательное хладнокровіе. Эпиктетъ ([38]) разсказываетъ, что друзья Паконія пришли къ нему съ извѣстьемъ: «Тебя судятъ въ Сенатѣ». — «Въ добрый часъ! Однакожь, мнѣ пора на гимнастическія игры». По окончаніи игоръ, ему говорятъ. «Ты осужденъ». — «На смерть, или на изгнаніе?» — «На изгнаніе». — «А мое богатство? — «Тебѣ его оставили». — «Прекрасно! отправимся въ Арисію... ([39]) обѣдать.»

([39]) *Нѣтъ, я боговъ подземныхъ не звала!* Эта рѣчь Сервиліи переведена изъ Тацита. Слѣдующій за нею монологъ Сорана также оттуда, но нѣсколько измѣненъ.

([40]) *Veto!* Римскіе трибуны, обязанные защищать права своего триба, могли останавливать рѣшенія Сената однимъ словомъ: veto! (не дозволяю). Трибунство, знаменательное при Гракхахъ, Сатурнинѣ, Друзѣ и Руллѣ, при кесаряхъ не значило ровно ничего, хотя удержало прежній видъ и de jure — прежнюю власть.

Боясь утомить вниманіе читателей, я ограничился самыми необходимыми примѣчаніями и ссылками на авторовъ. Теперь да позволено мнѣ будетъ

([36]) См. Тац. Лѣт., XVI, 20.
([37]) См. Горація, II, s. 8. Овид. Heroid, 6. Его же Amor., III ч. и др.
([38]) См. Эпикт. in Arriano.
([39]) Вилла, принадлежавшая нѣкогда Агриппѣ.

поговорить о языкѣ, о строѣ моей драмы... Строй ея холоденъ и однозвученъ ; рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ-торжественны ; движенія души передаются витіеватыми фразами. Но эта холодная торжественность, эта однозвучная витіеватость — намѣренны. Меня спросятъ : для чего? Постараюсь отвѣтить.

Жизнь древняго римлянина проходила на форумѣ, въ базиликахъ и въ термахъ. Привычка къ общественности, соединенная съ римскою важностью, положила на тогдашніе нравы отпечатокъ какой-то офиціальности; самые пріемы древнихъ римлянъ, обусловленные отчасти и одеждою, отзывались чѣмъ-то заученнымъ, ораторскимъ. Предназначенное къ неизбѣжной трибунѣ, римское юношество получало образованіе въ риторскихъ школахъ, привыкало къ ораторскимъ оборотамъ и періодамъ. Поэтому ораторская рѣчь проникла во всѣ поры римской жизни. Это положеніе подтверждается на каждомъ шагу историческими данными. Приведемъ въ примѣръ подготовленную импровизацію Антонія противъ Цицерона, рѣчь 12-ти-лѣтняго Октавія въ похвалу покойной бабки, предсмертную рѣчь Германика, рѣчь Сенеки и отвѣтъ Нерона и т. д. Припомнимъ теперь, что въ моей драмѣ дѣйствуютъ тѣ же римляне, да еще римляне-стоики, которые выше всего ставили разумное безстрастіе. Естественно, что, желая быть вѣрнымъ взятой эпохѣ, я придалъ моей драмѣ холодно-ораторскій тонъ. Но, можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что, избѣгая анахронизмовъ, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшить передъ искусствомъ...

Это ужь другой вопросъ.

Я вполнѣ сознаю недостатки своего сочиненія и вполнѣ буду благодаренъ за всякое добросовѣстное замѣчаніе.

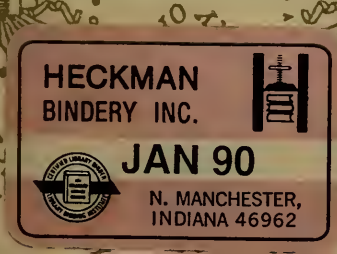
Л. Мей.

Н 62 90

Deacidified using the Bookkeeper pr
Neutralizing agent: Magnesium Oxid
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnolog
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERV
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS



LIBRARY OF CONGRESS

00025250576